

АЛЕКСАНДР
СКРЯГИН

ОТКРЫТИЕ,
КОТОРОГО
НЕ БЫЛО

Александр Скрягин

Открытие, которого не было

«Автор»

Скрягин А.

Открытие, которого не было / А. Скрягин — «Автор»,

В поселке Каланчевка обнаружен труп гражданина Нидерландов. Подполковнику ФСБ Аркадию Стеклову приказано выяснить обстоятельства смерти иностранца. Расследование приобретает особо важный и неотложный характер в связи с появлением на горизонте кадрового офицера британской разведки, а потом еще и представителей корпорации «Сибпромнефть». Похоже, причина всей суматохи - в изобретении информационно-аналогового оружия, основанного на беспроводной передаче энергии...

© Скрягин А.

© Автор

Содержание

Пролог	5
1. Смерть на улице Хлебной	6
2. Отставной майор	11
3. Теория профессора Вольпина	15
4. Старая каланча	20
5. Непонятный интерес	25
6. Взрывоопасное изобретение Толи Эдисона	28
7. Стычка	32
8. Делегация из столицы	35
9. Смертельное открытие	42
10. Беседы за поздним ужином	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Скрягин

Открытие, которого не было

детективная быль

Автор подтверждает, что все события, описанные в данной книге, имели место в действительности.

Фамилии и имена участвующих в них лиц изменены незначительно, как правило, на одну, две буквы. Это сделано с целью избежать возможных судебных исков со стороны тех, кто могли бы, прочитав эту историю, считать себя оскорбленными. А также, чтобы дать возможность официальным органам отвечать, что все упомянутые факты являются ни чем иным, как исключительно художественным вымыслом автора книги.

Автор

О, провинция! Именно здесь следует жить человеку, который не желает посвящать свою жизнь погоне за богатством или чинами. Жизнь в провинции не дает ни первого, ни второго. Жизнь в провинции – это просто Жизнь. Поэтому, так сладок ее воздух и весело солнце!

П. Д. Боборыкин (1836–1921), русский беллетрист. «Письма к столичному другу.»

Все, хоть сколько-нибудь стоящее, приходит в голову вдали от шумных площадей и самолюбивых собраний.

Бертран Рассел (1872–1970), английский математик и литератор. «Основания математики.»

Пролог

Командор Ван ден Роот очень не хотел ехать в Сибирь, хотя понимал, что это необходимо. Над его цивилизацией нависла самая большая опасность за всю ее Историю. Она началась с Великой революции в благословенных Нидерландах и трудов Великого Галлилея. Революция положила начало его Цивилизации, а Галилей создал для нее Науку.

Командор очень любил жизнь. Свой любимый одномоторный спортивный «Хейнкель», терпкий французский коньяк двадцатилетней выдержки и темпераментных румынских девушек. Все это давала ему его цивилизация. Чтобы спасти ее Ван ден Роот и отправился в далекие азиатские степи.

Никто на свете не знает дня своей смерти. Не знал этого и Командор.

1. Смерть на улице Хлебной

Труп гражданина Нидерландов Ван ден Роота был обнаружен по адресу: улица Хлебная, двор дома номер пятнадцать.

Согласно сводке областного УВД, тело было найдено в восемь десять утра военным пенсионером, майором внутренних войск в запасе Папасом Павлом Сергеевичем, русским, несудимым, 47-ми лет, проживающим в этом же доме. Следов насильственных действий на трупе при внешнем осмотре обнаружено не было.

– Берись за дело, Аркадий. Пока точно не установишь причину и все обстоятельства смерти, об отпуске забудь. – с командирской строгостью в голосе произнес полковник Кондрашов.

Полковник занимал должность начальника контрразведывательного отдела областного управления Федеральной службы безопасности.

Человек, к которому он обращался, находился в его прямом подчинении. Звали его Аркадием Михайловичем Стекловым. Званием он был ниже – подполковник.

На нем была рубашка в мелкую синюю полоску. Ее короткие рукава обнажали загорелые мускулистые руки, покрытые рыжеватой, словно бы собачьей, шерстью. И весь он со своим коротким носом и светло коричневыми, почти желтыми глазами походил на собаку, скажем, английского бульдога. К своему непосредственному начальнику он обращался без особого пиетета.

– Олег Петрович, там же милиция занимается, что нам в это дело влезать? Обычный труп... Мы-то тут причем? – недовольно произнес он.

Начальник отдела встал, прошелся по кабинету, остановился у окна. Полковник держал себя в хорошей форме, живота почти не было, но вот щеки начали слегка отвисать. Впрочем, вместе с залысинами под зачесанными назад русыми волосами, это даже добавляло его образу необходимую для руководителя солидность.

– Аркадий, прекращай базар. – стараясь придать голосу непререкаемость, произнес Кондрашов.

На полковнике был по погоде легкий двубортный костюм сливочного цвета и шелковый бежевый галстук.

"Похоже, Олег куда-то сегодня собрался. – отметил про себя Аркадий. – А, да! – вспомнил он. – Вчера же говорил, что сегодня вечером его жена на концерт органной музыки ведет... Светский лев, прямо..."

Супруга Олега Петровича считала, что Аркадий работал за рубежом каким-нибудь офицером безопасности при никому не интересном восточно-европейском посольстве. Эту работу она в основном представляла как совместное распитие спиртных напитков с послом в рабочее время, и прогулки по чистеньким европейским улочкам с молоденькими информаторшами – в нерабочее.

Она была убеждена, что Стеклова прислали из Москвы в отдел Олегу Петровичу, чтобы его подсадить и отправить на пенсию. А ей так хотелось стать генеральшей, женой начальника областного управления. Чтобы пройтись по его коридорам настоящей хозяйкой – прапорщик при входе отдаст честь, молодые лейтенанты вытягиваются в струнку, а секретарша первой приемной Лариса трепещет. Впрочем, Лариску, конечно, придется выгнать.

Когда супруга Олега Петровича смотрела на Аркадия, ее глаза излучали бесконечную доброту, а язык был в густом сахарном сиропе. Она почему-то была уверена, что подполковник, как ребенок, принимает все это за чистую монету.

– Олег, на хрена нам на свою задницу приключений искать? – совсем отбросил принятую субординацию Стеклов. – Ну, какие там на Хлебной государственные секреты этот голландец украсть хотел? Выяснить, где тот пароход, что Америка сто лет назад России подарила?...

– Какой еще пароход? – не понял начальник.

– В том-то и дело, что нету никакого парохода! – пошел в наступление подполковник. – Голландец прибыл к нам на законных основаниях, для переговоров о поставке сельхозпродукции в третьи страны... Официальный представитель торговой палаты Роттердама... По нашей линии ни в чем плохом не замечен... Ну, не повезло парню. Судя по всему, – ограбление. Бумажника на трупе не обнаружено... С каждым может случиться. Мы-то тут причем? Олег, что ты икру мечешь?

Олег Петрович открыл сначала внутреннюю, затем внешнюю створку окна и в кабинет ворвался теплый июньский ветерок.

Залетев в замкнутое пространство, он понял, что попал в ловушку и заметался. Пугая, ворохнул, официальные бумаги на столе, но сбросить их на пол у него не хватило смелости. Тогда он сделал вид, что пытается приподнять тяжелый глянцевый лист настенного календаря, выпущенного каким-то "Банком коммерческих инвестиций". Здесь он вполне осмелел, но у него не хватило сил.

Потерпев неудачу, оказавшийся в западне вольный гуляка затих, и, как котенок, спрятался под столом, успев напоследок лизнуть Аркадия за ногу над краем носка.

Олег Петрович покинул окно, встал напротив стула, где сидел подчиненный, и поднял вверх палец:

– Аркадий, дело на особом контроле там. Москва потребовала от нас установить истинную причину смерти. Ты понял? Или тебе дальше объяснять?

– Ничего я не понял. – упрямо произнес Аркадий. – А что милиция не истинную причину смерти собирается устанавливать? Или вообще не собирается ее устанавливать?

Кондрашов досадливо вздохнул, переступил с ноги на ногу и вернулся за свой стол. Уткнувшись носом в его поверхность, он начал перекладывать из одной стопки в другую лежащие там бумаги.

– Аркадий, как я устал от тебя! В конце концов, это – приказ. Теперь ты понял? – не поднимая глаз, наконец, проговорил он.

– Теперь понял. – покорно произнес подполковник Стеклов. – Так, я чувствую, последний отпуск перед пенсией и не отгуляю...

Он печально устремил свой взгляд на большой настенный календарь.

"Бакин-банк" – ваш надежный лоцман в волнах коммерции!" – было крупно набрано алыми буквами на фотографии широкой речной глади с висящими над ней синедонными облаками. По реке куда-то шло маленькое суденышко под одиночным парусом. То ли – рыбацья лодка позапрошлого века, то ли – современная яхта. Не поймешь. Далеко.

– Аркадий, не ной! Может быть, еще на этом деле орден заслужишь. – обрадованный капитуляцией своего строптивного сотрудника, оживился Олег Петрович. – Да, и вообще, мне кажется, это явно твое дело... – склонив голову к плечу, добавил он.

– Почему это, как труп, так обязательно – мое дело? – поинтересовался Аркадий.

– Ну, уж, не преувеличивай!.. Когда это ты последний раз с трупом имел дело?

– Весной, например... Когда гражданина Казахстана на грузовой станции нефтезавода мертвым нашли.

– Ну и что? Много ты с эти трупом возился? Обычная разборка при хищении нефтепродуктов оказалась... Вся твоя проверка на причастность его к иностранным спецслужбам пятнадцать минут заняла... Послал в центр запрос и уже утомился... А вот этот голландец именно твое дело! – пытался вдохновить подчиненного на работу начальник. – Ты же, до того как к нам придти, вроде бы где-то на родине этого коммерсанта и трудился, а?

– Нет, там я не трудился. Я трудился совсем в другом месте. – сказал Аркадий Михайлович, хотя из пятнадцати лет проведенных на нелегальной работе за рубежом, десять он проработал как раз в королевстве Нидерландов.

– Да? Но это не важно... Главное, чтоб ты понял, – это не обычное дело! Это дело, по которому будут судить о нашей с тобой работе. Усвоил? – приподнял подбородок и с начальственной строгостью взглянул на Аркадия Олег Петрович.

– Так точно, гражданин начальник! – сказал, поднимаясь, подполковник Стеклов.

– Здесь вся имеющаяся на сегодняшний момент информация по делу. – не вставая, протянул Кондрашов Аркадию тоненькую папочку.

Подполковник встал со стула, взялся рукой за картонную обложку, но Олег Петрович не собирался так быстро выпускать ее из своих рук.

– О результатах докладывать мне лично. По итогам каждого дня! – многозначительно смотря в глаза Аркадию, медленно произнес Кондрашов. Папку он продолжал крепко держать в сжатой ладони.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – вытянул Аркадий руки по швам. Для этого ему пришлось оторвать пальцы от не желающий переходить в его распоряжение папочки. Он щелкнул каблучками гражданских туфель и, словно забыв про папку, начал поворачиваться, чтобы выйти из кабинета.

– Документы возьми! – напомнил Кондрашов, оставшись сидеть с папочкой в руке.

– А я подумал, что вы эту секретную информацию решили оставить у себя, товарищ полковник! – бравым тоном туповатого службиста произнес Аркадий.

– Товарищ подполковник! Не надо демонстрировать свои актерские способности, у вас их нет! А театральный институт не здесь, а через две улицы... Если хотите поучиться, это туда! – мягко произнес Кондрашов тоном воспитателя интерната для детей с замедленным развитием.

– Как раз туда я и поступал после школы! Но не прошел по конкурсу... С моими способностями мне ничего не оставалось, как идти в органы!... – грустно произнес Аркадий.

– Если вы, Аркадий Михайлович, случайно, без всякого желания попали в органы, постарайтесь хотя бы напоследок, уходя из них, оставить после себя хорошую память! – сладким голосом произнес Олег Петрович.

– Я постараюсь. – заверил Аркадий и протянул руку к торчащей из руки полковника папочке.

На этот раз Кондрашов выпустил картонку из своих пальцев, как только пальцы подчиненного к ней прикоснулись.

Аркадий сунул папку под мышку, и, придерживая ее локтем, оставил начальственный кабинет.

По темному коридору управления подполковник двигался с выражением плохо скрытого недовольства на лице.

Накануне происшедшего Аркадий Михайлович рассчитывал уйти в отпуск, затем выйти на пару месяцев на службу, проболтаться их в комиссии по рассекречиванию архивов и получить долгожданный приказ об увольнении в запас по выслуге лет. Труп несчастного иностранца был очень некстати. Он грозил обрушить так славно спланированные летние месяцы, а никакого оперативного азарта у него, разумеется, не было и в помине.

А вот предчувствие неприятностей, связанных с делом погибшего при неизвестных обстоятельствах голландца, у него было. И оно оправдалось.

Он вошел в свой кабинет и опустился за стол. Немного поразмышлял и позвонил в бюро судебно-медицинской экспертизы.

Услышанное его не обрадовало. Знавший его начальник бюро сообщил, что им удалось установить причину смерти гражданина Нидерландов. Зарубежный коммерсант умер в резуль-

тате профессионально нанесенного удара в известную только узкому кругу специалистов точку «вита», расположенную в передней части горла. Удар привел к мгновенному параличу дыхания и летальному исходу. Другими словами, к смерти.

Что все произойдет именно так, Аркадий начал подозревать еще утром, во время бритья.

Смотрясь в зеркало на свое лицо, сильно смахивающее на круглую бульдожью морду, он испытал странное ощущение. Будто, в зеркале был не он сам, а какой-то другой, не очень-то и знакомый ему человек.

Водя хорошим станком с двойным лезвием по плотным, словно резиновым щекам, умудрился каким-то образом порезаться, пусть и едва заметно.

В гараже не завелась его вазовская «шестерка». Оказался полностью разряженным еще вчера нормально работающий аккумулятор. Причем, как раз в этот день Кондрашов предупредил о необходимости быть на службе в девять-ноль-ноль. Тут уж сомнений не осталось – как пить дать, жди неприятностей.

Подполковник бегло просмотрел полученную от Кондрашова папочку, благо, что и смотреть там было особенно нечего и, открыл служебный сейф.

Окинув взглядом его сумрачные недра, он отодвинул вглубь полки тяжелую черную тушку табельного «Макарова», и достал лежащие там полуметровые кожаные ножны. Взявшись за торчащую из них костяную ручку, он плавно вытянул из них тускло блестящий клинок. Это был булатный кинжал, сделанный на Востоке много лет назад. Его узкое серпообразное лезвие крепилось к прямой рукояти, украшенной арабской вязью.

Соскучившееся в темноте железного ящика оружие сразу, без примерки, так удобно легло в ладонь, что не хотелось его и выпускать. Солнечный луч упал на клинок, отразился от полированной поверхности, и, ударив в стоящий на тумбочке графин с водой, превратил его в слепящий глаза слиток расплавленного металла.

Аркадий медленно поворачивал клинком перед глазами, и сбросил на пол солнечный луч. Он полюбовался на геометрически идеальные обводы лезвия и морозные выющиеся узоры на нем. Достал из верхнего ящика стола замшевую тряпочку, дыхнул на сизоватую плоскость и аккуратно протер поверхность клинка.

Восточный клинок был практически единственной ценной вещью, которая осталась у него после пятнадцати лет пребывания в Европе.

Он был сделан из настоящей булатной стали. Этот материал производил впечатление волшебного: он мог затачиваться до такой невероятной остроты, что разрубал надвое подброшенный вверх шелковый женский платок. Но, к тому же, он не был хрупким. Клинок из булата легко сгибался в дугу и оставался в таком положении сколь угодно долго, не теряя своей формы. Булатная сталь была изобретена где-то на Востоке около полутора тысяч лет назад.

Кинжал подарил Аркадию один непростой человек. Как раз накануне его досрочной эвакуации из Европы.

Подполковник очень берег этот подарок. Настоящий булатный клинок, сделанный шесть веков назад в Дамаске, стоил огромных денег. В случае его продажи, подполковник мог, например, безбедно существовать после увольнения в запас в течение многих лет. Возможно, до конца своей жизни. Но дело было не в деньгах. Он не продал бы его ни за какие деньги.

Аркадию очень нравился этот сверкающий серп. Он даже не любил расставаться с ним надолго. Хотя бы раз в день он должен был почувствовать в своей ладони его теплую костяную рукоять.

Более того, кинжал был для него почти другом. Если вообще обладающие душой люди и не имеющие души вещи могут дружить.

Подполковник вложил стройное тело кинжала в ножны и осторожно положил на скучную стопку бумаг в нижнее отделение сейфа.

С сожалением простившись с булатным клинком, подполковник потянулся было рукой к пистолету, но, не завершив движение, вытянул руку из сейфа, взял со стола папку с информацией по делу Ван ден Роота и бросил ее поверх "Макарова".

Он еще немного посидел, неопределенно хмыкнул, закрыл сейф и вышел из кабинета.

2. Отставной майор

Майор внутренних войск в запасе Павел Сергеевич Папас стоял на балконе своей квартиры.

Его могучий торс обтягивала десантная тельняшка с обрезанными рукавами, а нижняя часть тела была укрыта огромными, как обвисший без ветра парус, спортивными штанами.

С высоты второго этажа он наблюдал, как его соседка Ольга Петровна Дорошенко возилась на цветочной клумбе.

На ней был короткий домашний халатик, в котором удобно работать на кухне, но совсем не на клумбе. Его полы разъезжались в стороны, как крылья театрального занавеса, а перламутровые пуговицы на груди сами выскакивали из петель. То, что открывалось между раздвигающимися частями легкого дамского платья, должно быть, и привлекало внимание бывшего майора конвойной службы.

В свежий утренний воздух вплетался дразнящий аромат груш сорта «Дюшес». Но шел он не от окружающих двор старых деревьев, а рождался в глубине майорской квартиры. Из перебродивших плодов этого сорта Павел Сергеевич выгонял качественный самогон.

Отставной майор Папас находился в хорошем настроении. Его широкое лицо, шире которого невозможно было представить, излучало довольство жизнью. Короткая челочка над твердым лбом весело топорщилась воробьиным хохолком. Маленькие серые глазки, запрявленные в складках кожи, радостно блестели, а солидные губы так и норовили растянуться в улыбку.

Отставной майор с удовольствием наблюдал за гнездившейся на клумбе соседкой. А на него самого с таким же удовольствием взирал пока еще находящийся на действительной службе подполковник Стеклов.

– Оля, хватит тебе по земле ползать. Поднимайся ко мне. Я тебя кое-чем угощу. – свесился с балкона Павел Сергеевич, улыбаясь всем своим безразмерным лицом.

Женщина подняла голову, поправила тыльной стороной ладони прядь выкрашенных в соломенный цвет волос и произнесла улыбаясь:

– Сейчас, лопух повыдергаю и поднимусь.

– Да ты и так уже все вырвала. Как комбайн. Оставь хоть чуток на завтра. Поднимайся! – настаивал Павел Сергеевич.

Аркадий сделал несколько шагов и оказался прямо под Папасовым балконом.

– Привет Оля! – кивнул он работающей женщине. – Паша, иди открывай дверь. Сейчас я к тебе поднимусь. – обратился он висящему над перилами объемному животу.

– Это ты, Аркадий? – Павел Сергеевич перегнулся через ограждение балкончика так, что от кувырка вниз его удержала только солидная нижняя часть. – О-о-о! Поднимайся скорей! У меня как раз кое-что есть! – радостно закричал он.

Обнаружив, что внимание к ней неожиданно исчезло, Ольга Петровна оставила ботанические занятия, решительно распрямилась, запахнула девичий халатик и вслед за Аркадием вошла в темный сумрак подъезда.

В кухне у Папаса благоухал фруктовый сад.

На газовой плите тихо грелся сделанный из нержавеющей стали сверкающий бачок самогонного аппарата. Из его витой трубки неторопливо капал в стеклянную банку прозрачный семидесятиградусный грушевый спирт.

– Я вчера два литра такого же выгнал. – с гордостью сказал Павел Сергеевич. – До сорока градусов разбавил, по бутылкам разлил и в морозилку засунул. Отпробуем?

– Отпробуем. Но позже. Я к тебе по делу.

– По трупешнику, что ли? Так я ментам уже пять раз все изложил. А он что, шпионом оказался? Что вы-то им заинтересовались?

– Заинтересовались, значит нужно. – заметил Аркадий и опустился на тяжелую табуретку, собственноручно сколоченную отставным конвойником из толстых чурбачков. Фабричные тонконожки веса хозяина квартиры не выдерживали.

– Паша, ты когда труп обнаружил, ничего случайно рядом с ним не находил, а?

– Нет. Ничего не находил. Если б я что-то нашел, разве я бы не сказал? Что я, не понимаю! Павел Сергеевич, стоя к подполковнику спиной, что-то с усердием настраивал в самогонной установке.

Аркадий посверлил широкую Папасову спину глазами, ничего этим не добился, вздохнул и продолжил:

– И бумажника не было?

– Какого бумажника? – повернулся к Аркадию хозяин.

– С деньгами.

– С деньгами? – с таким удивлением переспросил Папас, как будто обычно в бумажниках хранили не деньги, а, допустим, бутылки с пивом.

– Так, не было бумажника?

– Так, я обыскивал его, что ли? Я сразу понял, что мужик свое отбегал... Пульс на сонной артерии пощупал и все... Что я, не понимаю?...

Аркадий упрекающе посмотрел на синее небо за окном и вздохнул.

– Слушай, Паша, а ты ничего другого рядом с трупом не находил?

– Ничего. – слегка удивившись, сказал Папас.

– Ну, может быть, неподалеку, что-нибудь такое необычное, валялось и ты подобрал, а? Карманный калькулятор, например?

– Да, ничего такого необычного я не подбирал... Да и вообще, ничего не подбирал. И никакого калькулятора не видел... – несколько озадаченно поскреб ногтями широкий лоб Павел Сергеевич.

В дверь позвонили.

Папас поспешно вылез из кухни и вернулся вместе с Ольгой Петровной. Ее мягкое лицо носило следы легкого макияжа: веки стали слегка сиреневыми, губы – бледно-вишневыми. На полной высокой шее появились бусы из крупных шариков полированного янтаря. Аркадию показалось, что и без того не длинный халатик Пашиной соседки стал еще на ладонь короче.

В руках у гостьи была большая сковорода под чугунной крышкой.

– Мальчики, я вам карасиков на закуску принесла... Утречком пожарила.

– Вот молодец! – потер похожие на диванные подушки ладони Павел Сергеевич. – Сейчас грушевки моей попробуем... Карасиками закусим... А, Аркадий? Может быть, Ивана Алексеевича пригласим?

– Пригласим. Только сначала снимем показания у гражданки Дорошенко. – скучным голосом заметил Аркадий.

Ольга Петровна не только не выразила никакого недовольства, но, напротив, явно обрадовалась проявившемуся к ней вниманию.

– Ольга Петровна, судя по вашим показаниям, данным работникам милиции, вы появились у тела неизвестного вам гражданина в восемь часов пятнадцать минут, так?

– Совершенно верно. – с достоинством кивнула гостья.

– В это время у тела находился ваш сосед Павел Сергеевич Папас. Так?

– Да. Паша был рядом. Мы вместе с ним по лестнице спускались. Только он сразу вышел, а я еще почтовый ящик проверила. Я от дочери письмо жду!

– А больше никого вблизи места происшествия вы не заметили?

– Нет. Никого.

– А у лестницы, которая ведет вниз к реке, никого случайно не было?

– Кажется, нет. – пожала полными плечами Ольга Петровна.

– Точно нет? Или, кажется, нет?

– Ну, не помню я... По-моему, никого там не было. Рано же...

– Ну, хорошо... А вот скажите, гражданка Дорошенко, вы ничего рядом с телом не находили?

– Нет, не находила.

– Может быть, на самом теле?

– Да, что Вы такое говорите, Аркадий Михайлович? Чтоб я по покойнику руками лазила?

Ну, уж нет. – Ольга Петровна обиженно вздернула напудренный нос к потолку.

– Ну, а, может быть где-нибудь рядом... Неподалеку, а?

– Ничего я не находила.

– Карманный калькулятор, например?

– Нет. У меня свой есть. И на работе два.

Аркадий было состроил пронизывающий следовательский взгляд, но быстро вернул ему обычное рассеянное выражение, здраво рассудив, что для человека двадцать лет проработавшего администратором гостиницы все эти игры в гляделки ничего не значат.

– Ну, ладно. Нет, так нет. Поверим Вам, гражданка Дорошенко. – сказал он и посмотрел в сторону хозяина кухни.

Павел Сергеевич, отвернувшись от гостей, резал на кухонном столе хлеб.

– Ну что, закончили детскими играми заниматься? – прогудел он из-за собственной горообразной спины.

Ольга Петровна сняла со сковородки тяжелую, как щит средневекового воина, чугунную крышку и кухню заполнила веселая армия запахов жареной рыбы, лаврового листа и горячего подсолнечного масла.

Аркадий уже предвкушал, как он опрокинет стопочку ледяной грушевой самогонки, отделит вилкой часть зажаристой карасиной спинки и положит в рот парящий теплом нежный кусочек, как вдруг услышал в своем внутреннем кармане неприятное пиликанье мобильного телефона.

– Слушаю. – покосившись на сотрапезников, сказал он в телефонную трубку.

– Аркадий? Это я. – отозвался голос его начальника, полковника Кондрашова. – Ты где сейчас?

– На Каланчевке. Свидетелей опрашиваю.

– Вот и хорошо. Обязательно поинтересуйся у них, не находили ли они на трупе или где-нибудь рядом такую вещицу, похожую на карманный калькулятор... Описание было в папке, что я тебе дал...

– Да, я уже поинтересовался...

– И что?

– Не находил никто никакого калькулятора... И даже не видел. А что это за калькулятор такой важный? Не из золота, случаем?

– Закончишь со свидетелями, приедешь в управление, расскажу. Не по телефону же о таких вещах говорить!

– Но мне еще здесь надо поработать! Много неясностей оказалось. Надо прояснить. Так что, я еще в Каланчевке побуду.

– Хорошо. – недовольно согласился полковник. – Только быстро. Тут такое творится! Генерал предварительные результаты требует...

– Ну, какие результаты, Олег? Я ж только начал работать... Пожарная команда по другому телефону.

– Аркадий, прекращай базар! Оперативно опросишь свидетелей и в управление. Все! Ты меня понял?

– Ну, к генералу же все равно тебе идти. – не сдавался Стеклов. – Мне-то что там делать?

- Мало ли что! Будешь на месте сидеть. Вдруг у генерала к тебе вопросы появятся.
- Так тебе же лучше, что меня на месте не будет. Скажешь генералу, что весь отдел в моем лице в поле землю роет, а не в кабинете штаны протирает. Работа по делу кипит...
- Аркадий, не учи меня! Я и без тебя знаю, что кому сказать! – зазвенела металлом пластмассовая трубка. – Закончишь опрос свидетелей, и чтоб сразу был в управлении!
- Есть. – суровым тоном дисциплинированного сотрудника сказал Аркадий в трубку и с радостью в голосе Папасу:
- Паша, что ж ты окоченел, как морковка во льдах? Доставай свою грушиловку!
- Майор открыл дверцу холодильника.
- Слушай, Аркадий, а, может быть, этот калькулятор Иван Алексеевич взял? Он ведь тоже там был... – сказал он.
- Как был? – удивился Аркадий. – А почему милиция о нем не знает?
- Так он к труп-то не подходил. Мы вместе с ним из подъезда вышли... Он первый тело и увидел... Но к нему не подходил. Я чуть впереди него шел, когда понял, что это не живой лежит, я сразу послал его в милицию звонить...
- «Странно, – подумал Аркадий, – а в протоколе сказано, что в милицию позвонил Папас. Ну, работнички...»
- Оля, а ты тоже Ивана Алексеевича видела? – обратился Стеклов к раскладывающей вилки женщине.
- Конечно. Я же с ним столкнулась, когда из подъезда выходила. Он как раз и шел звонить в милицию.
- Он что, сам тебе об этом сказал?
- Ну, да...
- Тогда праздник откладывается. Мне надо встретиться с новым фигурантом по делу. – поднялся с табуретки Аркадий.
- Аркадий Михайлович, вы к Ивану Алексеевичу хотите зайти? – спросила Ольга Петровна.
- Естественно. – кивнул подполковник, рассматривая аппетитные, цвета жженого сахара карасиные спинки.
- А его дома нету...
- Откуда ты знаешь?
- Так я видела, как он с час назад вместе с Соней по лестнице на берег спускался...
- А что он там делает?
- Ну, как что... рыбу ловит... Или это...
- Что – «это»? – не понял подполковник.
- Как что?... Понятно что! Раз Коля-водопроводчик сразу вслед за ним мангал вниз потащил, а у Соньки, я заметила, кастрюлька в руках была... Отдыхают они там...
- Ну, тогда я пошел пока они не наотдыхались! – повернулся к двери подполковник.
- Ой, да кому там наотдыхиваться!.. – махнула рукой соседка. – Иван Алексеевич почти не пьет... Так, рюмочку для аппетита... Сонька тоже... Разве что, Колька? И то, он в последнее время в руках себя держит. Да, и он все равно тебе не нужен!...
- Ну, все равно... Лучше сразу работу сделать, чтобы освободиться и больше о ней не думать! – рассудительно произнес Аркадий.
- Ты быстро поговори и сразу возвращайся! – Мы тебя ждем! Без тебя начинать не будем! – крикнул ему вдогонку майор.
- Да, Аркаша, возвращайся! – присоединился к низкому майорскому мягкий голос Ольги Петровны.
- Непременно. – ответил им уже из прихожей Аркадий.

3. Теория профессора Вольпина

Улица Хлебная упиралась в крутой берег реки.

Его склон порос могучими деревьями с густыми, смыкающимися между собой кронами.

Сквозь этот лес едва просвечивала внизу желтая полоска прибрежного песка и стеклянная поверхность реки.

Аркадий шагнул на деревянную лестницу, ведущую на берег. Наверху, на Хлебной улице ярко светило солнце и выгоревший светло-серый асфальт дышал теплом, как радиатор квартирного отопления. Здесь же, на покрытом деревьями склоне, было свежо и сумрачно.

Держась за деревянные перила, отполированные поколениями жителей Хлебной улицы, он начал спускаться вниз.

На середине лестницы располагалась небольшая площадка. Аркадий остановился и глубоко вдохнул влажный, насыщенный запахами растений воздух. Постоял в приятном холодке и начал спускаться дальше. Через десяток ступеней повеяло мокрым песком и горящими углями.

Выйдя из прохладного сумрака на залитый солнцем песок, Аркадий, как и предупреждала Ольга Петровна, застал приготовления к пикнику.

В железном дырчатом мангале бодро потрескивал огонь. Над ним на длинных витых шампурах шипели куски мяса вперемежку с глянцевыми помидорами.

Вокруг огня располагалась маленькая компания.

Иван Алексеевич Кальварский, похожий своими ярко-синими, слегка выкаченными из орбит глазами, вздернутыми седыми бровями и торчащими вокруг лысины белыми прядками на старого, но не утратившего жизнерадостности лесного жильца – лешего. До выхода на пенсию Иван Алексеевич был главным конструктором закрытого конструкторского бюро «Спецрадиосвязь».

Рядом, обхватив колени, и мечтательно уставившись в небесную синь, сидел Коля Саяпин, дважды сиделец в местах перевоспитания, а в настоящий момент – слесарь-водопроводчик местного домоуправления.

Трудно было в свое время оперативным работникам органов милиции внести в ориентировку описание его внешности. Роста не большого, но и не маленького. Волосы – то ли русые, то ли светлые, но, возможно, и темные... Нос – то ли вздернутый, то ли вытянутый. Глаза – то ли голубые, то ли темные, а, может быть, зеленые... Но, скорее, серые... Возможно...

К своему удивлению, хорошо знавшие Колю сотрудники уголовного розыска, посидев над листом бумаги, неожиданно для себя обнаруживали, что не могут указать в описании его внешности ничего конкретного. Из странного положения хоть как-то помогала выйти не бог весть какая, но все же особая примета, – маленький синий якорек, выколотый между большим и указательным пальцем левой руки.

Над расстеленной на песке скатертью хлопотала племянница Кальварского школьная медсестра Соня.

У Сони были, как и у дяди, ярко-синие фамильные глаза, окаймленные черными, как графит, короткими и прямыми щеточками ресниц, и упрямый вздернутый нос. Темные волосы были стянуты в гладкую прическу и заканчивались на затылке задорным подрагивающим хвостом. Все вместе делало ее похожей на любопытную белку. Племянница Кальварского была ровесницей Аркадию Михайловичу. Более того, его одноклассницей.

Их юность осталась далеко позади.

Жизнь сложилась так, что Аркадий не видел Соню восемнадцать лет, а когда два года назад увидел, она показалась ему даже более красивой, чем в прошлом. Юношеская свежесть и безупречная гладкость кожи, конечно, исчезли, но взамен, вместе с маленькими морщинками у глаз, появилась притягательная женская уютность и соблазнительная рельефность форм.

В роли скатерти, на которой готовился праздник, выступала напечатанная на клеенке карта мира с двумя полушариями. На Азиатском континенте лежал лаваш, на Латинской Америке стояла солонка и маленькая чашечка до краев наполненная красным соусом. А на Тихом океане, образуя пологие впадины, обосновались фаянсовые Сонины колени.

– Пожарная инспекция. Все убрать. Костер потушить. – сказал, подходя, Аркадий Михайлович.

Сидевшая к нему спиной Соня от неожиданности уронила луковицу в соус. Из чашки вырвался длинный красный протурберанец и смачно плюхнулся на медсестринское колено.

– Ну, Аркадий, напугал... Нельзя же так!.. – всплеснула руками Соня. Ярко-синие фамильные глаза выразили возмущение.

С обиженным видом она стала собирать соус пальцами с такими же ярко красными ноготками, как и распластавшаяся на глянцевої коже красная клякса.

– Здравствуйте, Иван Алексеевич! Салют, Николай! Соня, не сердись! – поприветствовал общество Аркадий.

– Всю меня испачкал! – метнула на Аркадия сердитый взгляд медсестра.

– Привет Аркадий. Садись. Как раз шашлык доходит. – довольно произнес Иван Алексеевич.

– Здравствуйте, Аркадий Михайлович! – солидно произнес водопроводчик Коля Саяпин.

– По какому случаю банкет? – спросил, садясь на краешек карты, рядом с Соней подполковник. – Вроде, дня рождения, насколько я помню, ни у кого из присутствующих нет...

– Дня рождения нет, зато день отличный есть... Вот мы и решили выбраться на природу... Благо она у нас всегда рядом. – ответил пребывающий на пенсии конструктор Кальварский. – Сонькины детки на каникулах, ей в своей школе делать особенно нечего... А Николай, как обычно, в самоволке... А, ты Аркадий, что у нас в Каланчевке посередине рабочего дня? Тоже в самоволке?

– Уйдешь тут в самоволку!... Не успеешь из управления выйти пива попить, как уже с собаками по всему городу ищут... – проворчал Аркадий. – По делу мы к вам, однако.

– А что такое? Вражеский шпионаж на хлебозаводе обнаружился? Правильно, пусть поучатся у нас хлеб делать, а то у них не хлеб, а вата какая-то. – вращая шампуры над огнем, произнес Кальварский.

– Вы-то откуда знаете, Иван Алексеевич? Вас ж, с вашими допусками по секретности, разве что в ненецкий национальный округ могли пустить.

Аркадий обмакнул кусочек хлеба в соус и положил его в рот:

– Хороший соус. Острый. – похвалил он.

– А вот и нет. – вскинулся Кальварский. – Уже перед пенсией, я в составе делегации по Договору о сокращении вооружений в Брюссель ездил... Мы вместе с покойным профессором Вольпиным в одной группе экспертов были... Так что мы в европейских делах тоже понимаем!... А соус я сам варил. Томатная паста с красным перцем и грибным бульоном, а?

– Соус отличный. – качнул головой Аркадий. – А вы что, Иван Алексеевич с Вольпиным знакомы были?

– Конечно, знаком! – кивнул Иван Алексеевич. – Вольпин – это был голова-а-а! Рано умер только... Пятьдесят с небольшим... А, если б не умер, то... Он такое бы открыл... Он, понимаешь, к одной вещи подошел... О-о-о!

– Какой такой вещи? – спросил Аркадий.

– Ты и не поймешь какой!... – важно сказал Кальварский.

– А все-таки. – не стал обижаться Аркадий. – Вы скажите! Вдруг пойму!

– Ну, видишь ли... – зажевал губами Иван Алексеевич. – Он новую теорию извлечения энергии из материи создал!...

– Так уж, и новую теорию? – усомнился Аркадий.

– Жаль, он последнюю свою работу опубликовать не успел... – сокрушенно покачал головой Кальварский. – Но мне кое-что из нее давал читать... Работа капитальная, с математическим аппаратом... Знаешь, как он теорией топологических рядов владел? Так вот, в этой работе он писал, что окружающий нас видимый мир – это лишь покрывало, под которым скрывается необъятный океан энергии.

– Это как? – спросил Аркадий.

– А вот так! В любой точке материи содержится практически бесконечное количество энергии... Энергию не нужно вырабатывать с помощью электрогенераторов и потом перебрасывать по проводам!... Нужно лишь дать соответствующий сигнал материи и она откроет источник энергии в любой своей точке... Только вот надо знать эту команду... Ну, как бы код, что ли... Пароль, чтоб тебе понятнее было... Нечто похожее на "Сим-сим, откройся!"...

Кальварский подбросил в костер сухую ветку. От неожиданного подарка огонь сначала испугался, а затем, разобравшись с тем, что ему дали, радостно подпрыгнул и заиграл, как щенок.

– А что же это за пароль такой волшебный? – с некоторой долей иронии, хотя и умеренной, чтобы не обидеть старого инженера, спросил Аркадий.

– А пароль этот... – Иван Алексеевич задумался, помолчал, но продолжил. – Боря собиравшись изложить этот вопрос в монографии, но не успел... Конечно, одну проблему мы обсуждали... И кое-что я предполагаю... Но это так, некоторые догадки... Ничего конкретного. Да и дело в общем не в этом!

Иван Алексеевич замолчал.

– А в чем дело? – спросил подполковник.

– В том, какая это голова была! Теперь уж таких нет! Теперь только такие, как Вася Зоткин или Мотья Елперов... Лишь бы деньги, да звания хватать! Разве это ученые? Тьфу! – с брезгливостью плюнул на уровень современной науки находящийся на пенсии конструктор.

Вверх по реке, рождая две ровные, расходящиеся в стороны складки, шел черно-белый упрямый буксир. За его низкой кормой, округлой, как бублик, пересекающимися траекториями летели крупные речные чайки. Время от времени они бросались в тянувшийся за буксиром пенный бурн, и, выхватив из воды невидимую добычу, крутыми виражами взмывали в слепящую глаза синеву.

– Я вообще-то по трупу пришел, который вы с Папасом обнаружили. – не отрывая глаз от чаек, произнес Аркадий.

– А что труп? Я к нему и не подходил... Паша меня сразу послал в милицию звонить. Ему с трупами привычнее возиться. Он в своей конвойной службе ко всему привык.

– Иван Алексеевич, понимаете, у этого трупа одна вещь должна была быть... Вроде карманного калькулятора... Вы не видели ее случайно?

– Не видел. Не хочешь ли ты сказать... – с оскорбленным видом вскинул голову бывший главный конструктор и сверкнул синими лешачьими глазами.

– Нет, не хочу. – не дав разгореться гневу, быстро перебил собеседника подполковник. – Я просто спрашиваю.

– Не видел. И не брал. Ни случайно. Ни намеренно! – обиженно поджал губы Кальварский.

– Ну, не видели и не видели... – снова потянулся кусочком лаваша к соусу Аркадий. – Что обижаться-то? У меня работа такая: вопросы задавать и всякую ерунду искать. Мне вообще на этот калькулятор плевать. Но лично я, если бы его увидел, то, даже заплати мне, не взял бы.

– Это почему так? – отвлекся от своих мыслей водопроводчик Коля Саяпин.

– Радиоактивность. – понизив голос, сказал Аркадий. – Умереть, может быть и не умрешь, а вот уж импотенцию точно получишь.

– Да ты что! – воскликнул Коля.

Кальварский хотел что-то сказать, но Аркадий его быстро перебил:

– Ну, когда твой шашлык поспеет, а, Иван Алексеевич?

– Так все. – после маленькой паузы произнес он. – Готов уже. Коля, ты что сидишь? Волоки бутыленцию из воды, пока раки не утащили.

Слесать-водопроводчик поднялся, сделал было шаг к реке, но остановился.

– Слушай, Аркадий Михайлович, вроде Толя Эдисон что-то находил такое... – нерешительно произнес он. – Я его вчера утром за Домом специалистов у сараев встретил. У него какая-то штука в руках была. Он еще делал с ней что-то, отвертку у меня взял. Я его спросил, что это за хреновина, он мне сказал, что точно сказать не может, только что на улице нашел... А это как раз в то время и было... Где-то в половине девятого... Я в свою бытовку шел. Надо его предупредить, пока не поздно, а то что ж, он-то и не знает!... Захочет с бабенкой перепихнуться, а уже того... Нет подъема.

– А где он сейчас? – спросил Стеклов.

– Да у себя на каланче, где ж ему еще быть? – пожал плечами Саяпин.

В это время в кармане у подполковника неприятно запиликал мобильный телефон.

– Шейх Усама бен Ладен слушает. – степенно произнес он в трубку.

– Аркадий, ты что ли? – услышал он голос начальника.

– Ну, а кто еще? Я, конечно.

– Ты так не шути. У нас тебя могут не правильно понять.

– Тогда не буду. – покорно согласился Аркадий.

– Ты где сейчас?

– На Каланчевке, свидетелей опрашиваю.

– Так ты еще не закончил? – тоном невероятно удивленного человека произнес Кондрашов.

– Нет, не закончил.

– Потом закончишь! Срочно дуй на базу. Начальство через тридцать минут меня с докладом требует.

– Тебя ж требует. Я-то там зачем? – с заметным раздражением произнес Аркадий.

– Аркадий, не зли меня! И тебя может потребовать!

– Олег, я как раз напал на след твоего калькулятора. Надо срочно отработать.

– Да? Ты не шутишь? – с сомнением спросила трубка.

– Что я не понимаю, над чем можно шутить? – максимально обиженным тоном произнес Аркадий.

– Ну, ладно. – с сомнением в голосе произнес Кондрашов. – Отрабатывай. Это, действительно, важно. Я генералу так и доложу, что ты напал на след разыскиваемого изделия.

Трубка помолчала.

– Аркадий?

– Да.

– Ты точно на след напал? Уверен?

– Ну, как я могу быть уверен? Ты меня что, в магазин послал? Пошел и купил? Но, источник информации серьезный.

– Хорошо, работай! Как конкретика будет, сразу звони. А я тут пока буду за тебя у генерала отдуваться. – тоном человека, делающего великое одолжение закончил Кондрашов и отключился.

Буксир, уже ушедший по реке к самому железнодорожному мосту, призывно загудел.

Ту-у-у... Бу-у-у... Ту-у-у-у!....

Аркадий обвел глазами небо с невесомым, как заячий помпон на женском берете, облачком, реку, сверкающую на солнце кольчужной сталью, покрытую оспинками окон сплошную стену городских зданий на противоположном берегу.

В мире царил покой.

Подполковник Стеклов опустил глаза на аппетитный, украшенный испекшимися помидорами шашлык, и, нехотя, поднялся. Вслед за ним поднялся Коля Саяпин.

– Только вы не долго там! Мы без вас начинать не будем! – строго предупредил Иван Алексеевич.

– Аркадий! Ты возвращайся! А то, знаю я тебя, убежишь, как всегда! Смотри, не приди только! – сверкнув синими фамильными глазами, напутствовала его Соня.

– Ну, что ты! Обязательно вернусь! К такому шашлыку и не вернуться! – заверил остающихся на берегу Аркадий. Не столько Кальварского, конечно, сколько его племянницу.

И Аркадий вместе с Колей Саяпиным отправились к Толе Эдисону. На каланчу.

Казалось, в мире по-прежнему царил покой.

Но подполковник Стеклов знал, что никакого покоя в мире уже нет.

4. Старая каланча

Пожарную каланчу построили давно, больше века назад.

Она была похожа на оставшуюся без крепостных стен оборонительную башню средневекового города. Ее стройное гончарное тело на разной высоте обвивали кирпичные кольца и орнамент из каменных сухариков. Она была видна даже с самых дальних улиц. От нее и пошло название окраинного поселка – Каланчевка.

Каланчевка была местом необычным.

Большая часть города лежала на правом берегу большой сибирской реки, а Каланчевка – на противоположном – левом.

Когда-то она была самостоятельной пригородной железнодорожной станцией. И хотя те времена давно миновали, поселок давно был включен в городскую черту и его соединял с другими районами широкий автомобильный мост, все равно он оставался в городе каким-то ином родным телом. И жил своей отдельной, особой, не городской жизнью.

На правом берегу располагались широкие центральные проспекты, официальные учреждения и большие заводы. В Каланчевке же – утопающие в зелени извилистые улочки, состоящие из небольших одноэтажных домиков.

Крупозавод, или «крупка», как его называли в поселке, был здесь единственным представителем индустрии.

Его жители проводили на огородах едва ли не больше времени, чем в любых других местах. Они выращивали под окнами своих домов не только томаты, огурцы и смородину, давно ставшие привычными для этих мест, но и небольшие полосатые, как котята, арбузики, сахарные дыньки и глянцево-черные баклажаны. Некоторые любители-садоводы умудрялись выхаживать даже виноград и непризнанный агрономической наукой сорт груш "Сибирский дюшес", дающий к сентябрю вкусные крепенькие плоды.

Родители Аркадия, врачи местной больницы, не считались фанатиками земледелия, но тоже ясными летними вечерами склонялись над кудрявыми грядками.

Родители же Оли Дорошенко были настоящими мастерами аграрных дел. Они были непременными участниками проходящих в начале осени выставок любителей садоводов "Сибирская флора". И даже однажды заняли призовое место, получив в награду электрический садовый насос.

А какое делали в Каланчевке соленое сало!... Свиной в поселке мало кто держал. Свежее сало покупали на рынке, куда его привозили из окружающих поселок бескрайних степей. Кто любил брать сало с вишневыми мясными прожилками, а кто чистое – парафиново-белое. Одни солили его просто с чесноком. Другие перекладывали бруски сала лавровым листом, черным перцем или пряной восточной приправой хмели-сунели.

Были и такие, кто сначала отваривали сало с луковой шелухой, а затем, вынув из кипятка ставший янтарным кусок, натирали его ядреной смесью жгучего красного перца и чеснока. После этой важной процедуры сало укладывалось в эмалированную посуду и ставилось в прохладное, – но не слишком! – место.

О, что за продукт получался там через трое суток! Конечно, употреблять его еще не следовало. Нужно было завернуть пылающие куски в вощеную бумагу и положить на сутки в погреб на лед или в морозильную камеру холодильника.

И уж потом – только потом! – следовало отрезать ножом с заточенным до бритвенной остроты лезвием тоненький, насквозь просвечивающий пластик, положить его на ломтик черного хлеба и попробовать, что же получилось. Всегда получалось хорошо.

Но даже больше, чем соленым салом, Каланчевка славилась в городе своими домашними колбасами.

Составные части фарша – говядина, свинина, шпик, и их пропорции были секретом каждой хозяйки. Добавлялись туда и гвоздика, и тмин и раздавленные зерна граната.

Готовые колбаски коптили на березовом дыму, жарили на решетке, нанизывали на вертел или раскладывали их плотно набитые круги на широкие чугунные сковородки. Во время приготовления колбаски шипели, скворчали, покрывались золотистой корочкой. А ползущие по улицам запахи с силой строительных лебедок затягивали каланчевцев в гости друг к другу.

Вот такая не городская часть города окружала старую пожарную каланчу.

Уже больше полувека ей не пользовались по прямому назначению. Не поднимались на смотровую площадку бдительные дозорные и не взвивались над ней на тонкой мачте черные шары, говорящие всем: "Внимание! Пожар в поселке!"

Долгое время каланча вообще пустовала, а несколько лет назад на ней обосновался странный человек. То ли ловкий специалист по ремонту бытовой видеотехники, занимающийся частным предпринимательством в безналоговом режиме, то ли, наоборот, оторванный от мира чудаковатый изобретатель. Звали его Анатолий Петрович Беседин, но в Каланчевке он был больше известен по прозвищу Толя Эдисон.

Водопроводчик с усилием отвалил тяжелую кованую дверь и они оказались в просторном пустом помещении. У него были кирпичные не штукатуренные стены и высокий потолок. В помещении царили холод и сумерки. Дневной свет проникал сюда сквозь узкие, похожие на бойницы прорезы в полутораметровых стенах.

На противоположном конце помещения пугал непроглядной чернотой сводчатый вход. Они пересекли пустое пространство и шагнули под каменный полукруг. Перед ними уходила ввысь закручивающаяся вокруг невидимой оси каменная лестница.

Аркадий и Коля друг за другом вступили на ее узкие ступени. В середине они имели небольшую ложбинку – след подошв, ступавших здесь за минувшую сотню лет. Они стали медленно подниматься вверх. Запыхавшись, два раза отдыхали на промежуточных площадках. Смотрели сквозь низкие решетчатые окна на утопающую в зелени Каланчевку.

Внизу блестела на солнце широкая река, отделяющая поселок от остального города. Под кронами деревьев прятались крытые железом и шифером одноэтажные домики. Гордо возвышался над ними своими тремя этажами, так называемый, Дом специалистов. Он был построен после войны для инженерно-технического состава крупозавода имени Гарибальди. За прошедшие с тех пор годы работников крупозавода в нем почти не осталось. Зато жили Паша Папас, Иван Алексеевич и Ольга Дорошенко.

Пряничные корпуса самого крупозавода, именуемого ныне акционерным обществом «Сибкорн», стояли на высоком берегу над рекой.

Прямо под каланчей расстился толстым кудрявым ковром полузаброшенный старый поселковый сквер, местами густой и непроходимый, словно настоящий дикий лес.

А вправо, за веселыми кронами каланчевских садов лежала уходящая на юг пшеничная степь. Ее дальний край тонул в сиреневой дымке. В ней мерещились сизые вершины гор и беспокойные морские плоскости. Хотя и те и другие отстояли от города на многие тысячи километров.

По этой степи шли когда-то вслед за солнцем бесконечные племена и народы – германцы, славяне, монголы и древние мадьяры. Шли, чтобы где-то там, на краю света, в далекой Европе оставить после себя иногда – жизнеспособное государство, иногда – строчку в книге, а иногда – без следа исчезнуть с лица земли. Чудились в этом простом, полностью открытом взгляду степном ландшафте какая-то невидимая жизнь и тайна.

Слегка приустав, Аркадий с Николаем достигли вершины. Дверь в Толины апартаменты была приоткрыта. Они постучались и вошли.

Перед их глазами предстало нечто среднее между опытной лабораторией серьезного научно-исследовательского института и приемным пунктом ателье по ремонту бытовой видеотехники.

По стенам небольшой комнатки высились металлические стеллажи. На них помещались какие-то электрические приборы с маленькими и большими циферблатами. На одной из полок стоял большой осциллограф, на зеленом экране которого застыла горбатая, как спина верблюда-дромадера, синусоида. На большом письменном столе светился дисплей персонального компьютера. На его экране висел, судя по рубрике, какой-то интернетовский материал.

Сам Анатолий Петрович сидел за большим столом и что-то паял. Дверь на смотровую площадку, окружающую ствол башни, была открыта, и по комнате вертелся веселый ветерок. Он первым обратил внимание на вошедших гостей и бросил им в лицо морской запах плавящейся канифоли.

После него поднял взгляд и Беседин.

У него было крепкое, будто вырезанное из старого дерева, худощавое лицо, маленькие седые усики и карие, весело поблескивающие теплые глаза.

Анатолий Петрович не всегда занимался ремонтным бизнесом. Были времена, когда он трудился старшим преподавателем факультета электротехники местного технического университета. Студенты его любили. Руководство и коллеги – нет. Хотя Толя был человеком мирным, не участвующим ни в каких свойственных профессорско-преподавательскому сословию интригах и склоках. Но, может быть, как раз в этом и было дело. Он не считал нужным включаться во всеобщую борьбу за доплаты и звания. Такое игнорирование корпоративной жизни уже само по себе почти смертельно для вузовского преподавателя.

Но, к сожалению, даже это было еще не все. В его карих глазах читался искренний интерес к устройству того тайного механизма, который вращает мир. Такое качество ума вызывают у большинства профессиональных ученых почти рефлекторную антипатию.

Несмотря на признаваемый всеми исследовательский дар, у него год за годом не ладилось с диссертацией. Он не придавал этому особого значения, потому что не считал получение кандидатской степени сколько-нибудь серьезным делом. Но его коллеги думали совсем по-другому. Все это и привело к тому, что Анатолий Петрович не прошел очередную аттестацию и вынужден был уйти из университета.

Так он оказался на каланче.

Беседин застыл с дымящимся в руке паяльником. Он молчал, словно не узнавая вошедших. Аркадий с Николаем даже испытали замешательство. Ведь и тот и другой знали Беседина с детства.

Вдруг Анатолий Петрович ожил, его карие глаза приняли осознанное выражение, будто до этого момента он мысленно пребывал в каких-то далеких пространствах и, наконец, вернулся оттуда. Хозяин поставил паяльник на рогатую подставку и радостно потер руки:

– О-о-о! Заходите ребята! Не ждал. Но барашка пригото-о-вил!

– Да не-е-е, мы на минуту. – сказал Коля Саяпин. – Нас на берегу Иван Алексеевич с Соней ждут. Понимаешь, Толя, какое дело... Ты не обижайся только. Вот Аркадий говорит, тот калькулятор, что ты на Хлебной нашел, он того... радиоактивный... Можно импотенцию заработать!

– Какой калькулятор? – удивленно поджал тонкие губы Анатолий Петрович.

– Ну, ты мне вчера сам показывал, ты что забыл? – озадаченно произнес Коля.

Анатолий Петрович немного помолчал, потом вдруг с видом внезапно вспомнившего человека хлопнул себя рукой по лбу.

– Так я его выбросил... Да. Копеечная вещь. Да еще сломанная.

– Ну и хорошо... – с облегчением произнес Коля. – А то, действительно, облущись и все! Прощай женская любовь.

– А куда ты его выбросил? Можешь показать? – спросил Аркадий.

– Ну куда-куда?... Не помню. – подумав, сказал Беседин.

– Постарайся вспомнить, Анатолий Петрович! Очень надо! – давая понять, что просто так не отступится, с нажимом произнес Аркадий.

– Ну, не знаю... – поднялся со своего вертящегося стула изобретатель. – У меня барашек с картошечкой потушился... Покушаем, а?

Не дожидаясь согласия гостей, Беседин направился в угол своей просторной комнаты и с помощью полотенца вытащил из электрической духовки чугунную утятницу.

Держа ее перед собой на вытянутых руках и несмело переставляя ноги, он принес тяжелую посудину и осторожно водрузил на свой рабочий стол. Тщательно расчистил пространство вокруг от книг и радиодеталей и застелил стол белой бумагой. В свежем воздухе высоты, идущим со смотровой площадки, хлынувший из утятницы запах тушеного мяса, картошки, и лаврового листа был подобен взрыву праздничного салюта, который хочется задержать в небе как можно дольше.

Аркадий в очередной раз за сегодняшний день почувствовал прилив аппетита.

– Ну, ладно. – сдался Аркадий. – Накрывай, Анатолий Петрович. Только все-таки вспоминай, куда калькулятор выбросил.

– А я вспомнил! – вдруг уверенным тоном заявил хозяин каланчи.

– Ну? – подался к нему Аркадий.

– Я его в реку выкинул.

– В реку? – разочарованно переспросил Аркадий.

– Ну, да! Точно. Вспомнил. Прямо с берега как швырану! Почти до фарватера добросил.

Аркадий прошелся по комнатке-лаборатории. Хорошо было здесь. Пахло морской свежестью, канифолью и тушеной бараниной. В широких окнах плескалось синее небо и покачивались в отдалении белые ладьи облаков. Одно облако обернулось растянутым по ветру крылом. Своими перьями оно почти касалось каланчи.

Аркадий вздохнул и опустился на металлический табурет. В это момент у него в кармане запиликал мобильный телефон.

– Это ты? – спросила трубка голосом Кондрашова.

– Нет, это агент северо-корейской разведки товарищ Ень Бень. – подобострастно отозвался подполковник Стеклов.

– Хватит шутить! – грозно проговорила трубка. – Не время для шуток, подполковник! След по калькулятору оправдался, а? Я генералу доложил, что прибор уже практически найден. Надеюсь, я не ввел его в заблуждение?

– Найден, но практически недоступен.

– Это как? Он что, на Луне? – спросил Кондрашов.

– Нет. На дне реки.

– Немедленно приезжай на базу. – не терпящим возражения тоном сказала трубка. – Здесь доложишь все подробно. Как положено!

– Ну что, прямо сейчас? Мне нужно здесь еще кое-что уточнить. – деловым голосом произнес Аркадий.

– Я сказал, немедленно на базу! Чтоб через полчаса был на месте. Это приказ. – накалилась трубка.

– Я понял. Буду. – сказал подполковник Стеклов.

Присутствующие, делали вид, что не интересуются разговором, но посматривали на Аркадия с любопытством.

– К сожалению, дела требуют. – веско произнес он. – Я должен вас покинуть.

Стеклов поднялся с табуретки, взглянул на утятницу, втянул носом воздух и сказал:

– Толя, дай хоть попробовать.

Беседин без малейшего промедления протянул ему большую сверкающую ложку из нержавеющей стали.

Аркадий зачерпнул ложкой так, чтобы в ней оказался кусочек баранины, картошка и золотистый бульон и вылил все это в максимально раскрытый рот. Пошевелил языком, пожевал, поцокал и проглотил.

– Ой-е-е-ей! – восхищенно произнес он. – Вот так всегда бывает. Одним все. Другим – только смотри и завидуй!

– Не переживай! – ободряюще похлопал его по плечу Анатолий Петрович. – Как с органов уволят, я тебя мальчиком для подсобных работ возьму. Колбы мыть и провода зачищать! За кормежку будешь работать. Помнишь, как в школе у тебя хорошо получалось! – похвалил Анатолий Петрович.

– Готовься, изобретатель! Копи продукты. Скоро уже попрут. – мрачно заметил подполковник.

– Слушай, Аркадий Михайлович, а этот калькулятор был сильно радиоактивный, а? – неожиданно вступил в беседу Коля Саяпин.

– А что? – повернулся к нему Стеклов.

– Так я его тоже в руки брал... А у меня сейчас почему-то руки зачесались... Смотри, и покраснели даже...

– Покажи. – заинтересовался Аркадий.

Коля с обреченным видом поднял к своей груди раскрытые ладони:

– Вот. Какие-то красные...

– Да? – с сомнением произнес Аркадий. – Разве? Ладони, как ладони.

– Это не от радиации. – сказал Анатолий Петрович.

– Откуда ты знаешь? – с надеждой обратился к нему Коля.

– Первое, что я делаю со всеми неизвестными предметами, которые попадают мне в руки, – это проверяю их на радиоактивность. Про счетчик Гейгера слышал, а, Колюша? – ласково осведомился Беседин.

– Слышал. – кивнул головой потенциальный смертник.

– Так вот. Эту штуку я сразу проверил. Не было у нее никакой радиоактивности. В пределах естественного фона.

– Это как? – спросил Костя.

– Это значит, что ее радиоактивность была такая же, как у моей утятницы. – пояснил Анатолий Петрович. – Я в ней двадцать лет баранину готовлю и ничего, не умер!

5. Непонятный интерес

Всей езды от Каланчевки до центра города было минут пятнадцать. Не больше.

Даже, если ехать на неторопливом маршрутном такси.

Аккуратно притершись к тротуарному бордюру, «газель» остановилось у старого барочного здания. В нем размещалось областное управление федеральной службы безопасности.

Согнувшись пополам, Аркадий с трудом выбрался из маршрутки. Он почему-то подумал, что крохотному автобусику во время стоянок должны сниться сказки, в которых он возит не этих тяжелых великанов, а маленьких аккуратных людей, выросшие на далеких японских островах Окинава и Хонсю.

Полковник Кондрашов был сама озабоченность.

Его сливочный пиджак был аккуратно размещен на плечиках. Начальник отдела был в одной рубашке, рукава которой были деловито подвернуты до локтей. Пуговица воротника расстегнута, а узел бежевого галстука опущен до середины груди. Такой вольный внешний вид был для Олега Петровича совсем не типичен и хорошо знающему его человеку говорил о многом.

Кондрашов поднялся из-за начальственного стола и подошел к окну, просторному, как ворота в Кремле.

Областное управление федеральной безопасности помещалось в старинном здании, где когда-то в легендарные времена находилась женская гимназия. Присущие слабому полу жажда публичного поклонения и тайной власти, видимо, навсегда поселились в его украшенных изощренной лепниной стенах. Для органов безопасности эти дамские желания оказались и близкими и понятными.

Как в любом уважающем себя вековом здании, здесь существовала и домашняя легенда, о том, что ночами в мрачных сводчатых коридорах управления появляется большеглазая девушка в белом платье. Она легкой походкой проплывает меж стен и исчезает за одним из бесчисленных поворотов. Офицеры называли ее княжна Катя. По легенде она проводила своего жениха – молодого поручика, на первую мировую войну и через несколько недель получила известие о его гибели.

Молодая княжна не смогла справиться со своим горем, выпила сулему и ушла из жизни. Но что-то заставляет ее вновь и вновь приходить в знакомые стены и вглядываться в лица молодых офицеров, словно разыскивая своего давно стинувшего возлюбленного.

Аркадию нравилась романтическая легенда. Она делала официальное здание живым и уютным.

В привидения он не верил, но однажды поздно вечером, двигаясь по коридору второго этажа, неожиданно заметил перед собой белое облако, которое будто появилось прямо из стены. Своими изгибами облако напоминало женскую фигуру. Подполковник ринулся за облаком, но оно без следа исчезло за ближайшим углом слабо освещенного коридора.

Но, вообще, этот случай все-таки ничего не доказывал. Он произошел после кабинетного застолья, на котором отмечали присвоение Кондрашову очередного специального звания – полковника государственной безопасности, и потому за объективность собственных впечатлений ручаться было нельзя.

Кондрашов приоткрыл тяжелую оконную раму и в кабинет проник сладковатый запах цветущей ольхи – совсем не городского ведьминоного дерева, обычно растущего на болотах и в сырых чащобах. Но выросшего почему-то и здесь в центре города, у серых каменных стен управления.

– Ты уверен, что твой Эдисон на самом деле эту штуку в реку выбросил? – обернулся начальник к своему подчиненному.

– Да нет. Не уверен. – Аркадий почесал нос карандашом.

– Так, что ж ты его не раскрутил? – недовольно приподнял брови Олег Петрович.

– Ну, когда бы я успел?... Ты же все время звонишь: на базу, да на базу! Как будто тут пожар.

– А тут и есть пожар! – внушительно произнес Кондрашов. – Вчера в город прибыл английский коммерсант Джек Тамсфорд. Ну, это так, прикрытие. Москва сообщила, что он кадровый офицер британской разведки.

– Да? – удивился Аркадий. – И что же ему тут нужно? Что тут у нас за секреты государственной важности?

– Вот то-то и оно! – наставительно поднял указательный палец полковник. – А ты говоришь, пожара нет... Есть пожар! Да еще какой! Англичанин прилетел вчера. А сегодня служба наружного наблюдения сообщила, что засекла мистера Тамсфорда в поселке Каланчевка. Причем, недалеко от того места, где два дня назад нашли труп другого иностранца. А? Разве это не пожар? Что ты обо всем думаешь, Аркадий Михайлович? Ты же у нас специалист по заграничным разведслужбам!

– Это я раньше был специалист по заграничным разведслужбам. А теперь я работаю мальчиком на побегушках у таких пожарников, как ты, Олег Петрович. – мягко произнес подполковник Стеклов.

– Аркадий! Не забывайся! – посерьезнел лицом Олег Петрович.

– Больше не буду. Извини. – не стал нарываться подполковник. – Ты лучше скажи, а что это за калькулятор мы ищем? Может, в нем все дело?

– На самом деле, это не калькулятор. – важно произнес Кондрашов. – Это – спектрограф. Совершенно новая разработка. Способен моментально определять качество зерна, сколько в нем белка, клейковины и так далее. Очень дорогой. Защищен патентом.

– Да? – с сомнением произнес Аркадий.

– Да. – с едва заметной, но все-таки, уловимой нетвердостью в голосе сказал Олег Петрович. – Так сообщили из торгового отдела Нидерландского консульства. Прибор предъявлялся и на таможне при пересечении границы. Дежурный эксперт осматривал. Подтверждает... Ну, во всяком случае, это – точно не дозиметр радиоизлучения...

– Да ведь у нас тут и измерять вроде нечего... – озадаченно произнес Аркадий.

– Вот то-то! Друг мой! – наставительно произнес полковник. – А ты говоришь, нет пожара! Есть пожар!

– Что же тут им всем понадобилось-то, а? – вздохнул неудавшийся отпускник.

Кондрашов прошелся по своей прогулочной дорожке – от величественному окну к письменному столу, и остановился рядом с Аркадием.

– А вот это я вам и поручаю выяснить, подполковник Стеклов. – официальным тоном произнес он.

– Подожди, Олег, мне же с трупом голландца надо разбираться! – возмутился Аркадий. – Ты же сам утром поручил мне выяснять, кто его убил? И еще хвоста мне накручивал, про важность и срочность!... Так?

– Ну, так. – согласился полковник Кондрашов.

– Вот! А выяснение причин интереса иностранных спецслужб к поселку Каланчевка – это же отдельная большая тема для разработки... Я же не могу всем одновременно и срочно заниматься!

– Можешь! – отрубил Кондрашов. – Знаешь, есть в органах такое слово «надо!» И по трупу голландца работать надо! И прибор искать! И причины интереса иностранных спецслужб к Каланчевке выяснять!

– Ну, Олег, что же мне разорваться, в самом деле? – не сдавался Аркадий.

– Разрываться не надо! А вот заниматься надо и тем и другим! Ясно? Тем более, мне кажется, тут все связано! Ну, сам посуди, то не было никого, хоть шаром покати! Ни одного иностранца в Каланчевке днем с огнем не сыщешь! И вдруг, ни с того ни с сего, – один за другим! А? Это при том, что ни ракетных баз, ни секретных лабораторий в Каланчевке, как ты понимаешь, нет и никогда не было!

Полковник Кондрашов заложил руки за спину и несколько раз с размышляющим видом прошелся мимо сидящего Аркадия.

– Мы – отдел контрразведывательного обеспечения или что? – спросил он, остановившись рядом с подчиненным.

– Обеспечения чего, сначала хотелось бы знать? – проворчал подполковник Стеклов. – Секретных способов сортировки гречневой крупы?

– В спецслужбах, Аркадий, – не идиоты. Что-то же они в Каланчевке ищут? Значит, что-то же там есть! То, что мы обязаны охранять! – резонно заявил Олег Петрович и вернулся за свой стол.

Аркадий тяжело вздохнул.

– Так что, не сиди, голуба моя! – приняв суровый вид, сказал Олег Петрович. – План оперативных мероприятий по установлению причин обнаруженного интереса иностранных спецслужб к поселку Каланчевка – мне на стол! И вперед. Первые результаты попрошу завтра к вечеру!... – начальственно прихлопнул он ладонью по столу.

Заметив, что подчиненный собирается что-то сказать, опытный руководитель не дал ему этого сделать:

– Пан профессор чем-то недоволен? А зря! Когда вы добровольно, подчеркиваю, добровольно, шли работать в органы, профессор, отпуск в летний период вам никто и не обещал!

Со вкусом произнес эту тираду, полковник Кондрашов добро, по-отечески, улыбнулся подполковнику Стеклову.

Аркадий недовольно опустил желтые бульдожьи глаза и отправился к себе в кабинет.

Войдя в бывшую спальню гимназистки, служившую ему кабинетом, он сел за стол и открыл сейф. Потянулся было к папочке с информацией об убийстве голландца, но его рука как-то сама собой нырнула на нижнюю полку, а там в ладонь нетерпеливо впрыгнул дамаский кинжал.

Он достал клинок из сейфа, вытянул из ножен и покачал в руке. Потом, взял левой рукой лежащий на столе лист белой бумаги. Поднял его над головой и отпустил. Когда белый лист, неторопливо планируя, поравнялся с его лицом, Аркадий резко провел по бумаге лезвием кинжала.

Лист мгновенно распался на две равные половинки. Они сначала изумленно застыли в воздухе, а, затем, будто супруги, давно мечтавшие расстаться друг с другом и наконец-то получившие развод, радостно устремились в разные углы комнаты.

В свое время тайна восточной сверхстали очень интересовала Аркадия Михайловича.

Над разгадкой удивительных свойств булатов в первой половине девятнадцатого века ломали головы десятки выдающихся ученых Европы. В том числе король эксперимента, создатель теории электромагнетизма англичанин Майкл Фарадей, для которого, казалось, вообще не существовало не раскрываемых тайн природы.

Все они потерпели поражение.

«Что острее дамаской стали? – спросил себя Аркадий строчкой древней восточной сказки. – Только голова! – ответил он ее же словами. – Что-то все разворачивается слишком быстро... Хотя, если в Каланчевке случилось то, что случилось, то нет ничего удивительного.»

6. Взрывоопасное изобретение Толи Эдисона

Маршрутка снова везла Аркадия в Каланчевку.

Он покачивался на мягком сиденье рядом с водителем и думал о вещах, очень далеких от оперативного плана, который ему предстояло осуществлять.

На его составление он потратил почти час. Полковник Кондрашов план внимательно прочитал. Занимаясь этим, он поджимал губы, недовольно морщился, задавал многочисленные вопросы, но, в конце концов, все-таки утвердил. В итоге, за всеми этими хлопотами пообедать подполковник Стеклов так и не успел. А на город уже незаметно надвигался вечер.

И когда, маршрутное такси неспешно проезжало мимо необычного сооружения, размещенного на пришвартованном к берегу дебаркадере, Аркадий тронул своей широкой лапой водителя за плечо:

– Останови, друг!

На дебаркадере размещался единственный каланчевский ресторан. Он назывался «На пристани».

Подполковник решил поужинать здесь. Но, это была все-таки не главная причина его посещения этого места, пользующегося в поселке не слишком хорошей репутацией. Если уж на то пошло, поужинать он мог и у Паши Папаса. В ресторане «На пристани» он собирался осуществить пункт номер один плана оперативных мероприятий, утвержденного полковником Кондрашовым.

Своим обликом ресторан напоминал Зимний дворец, только уменьшенный в десять тысяч раз.

Когда-то эта узорчатая шкатулка, действительно, была пассажирской пристанью. Над входом в нее до сих пор проступали сквозь многочисленные слои краски черные буквы «Пароходство «Пороховщиков и К.» В ноябре девятнадцатого года владелец частного пароходства отбыл из города вместе с отступающими колчаковскими войсками. И с начала двадцатых годов в миниатюрной модели дворца российских императоров навсегда поселился ресторан.

Он пришелся настолько к месту, что, казалось был тут всегда, а существование в нем какой-то пассажирской пристани было просто красивым мифом, дающим основание для романтического названия. Не одно поколение каланчевцев именно с ним связывали свои представления о красивой жизни, необузданных загулах и сладком, как сибирский гречишный мед, разврате.

Много лет назад только что окончившие школу Аркадий Стеклов и Паша Папас сидели здесь за столиком, смотрели сквозь высокие, разделенные мелким переплетом окна, на гранатовый сибирский закат и мечтали.

Закат манил в свой таинственный огонь. Тогда им казалось высшим счастьем – убежать из Каланчевки в большой кипящий мир. Теперь и Паше и Аркадию счастье представлялось по-другому.

Подполковник прошел по слегка вибрирующему под ногами переходному мостику на дебаркадер и ступил на его дощатый настил.

Старые стеклянные двери, напоминали своей легкостью и гнутым переплетом, блестящие крылья гигантских стрекоз.

Когда-то за стеклянными дверями, сразу у входа посетителя ресторана встречал тяжелый резной буфет. Это была буфетная. За ее высокой стойкой, еще до того, как посетители проходили в большой зал и садились за покрытые белыми скатертями столы, буфетчик наливал гостям рюмку водки или бокал шампанского, что повторялось и при прощании.

Ритуал этот был непреложным, как, допустим, текущая внизу река. И на того, кто осмелился его нарушить, посмотрели бы как на сошедшего с ума. И, если проверять счет у офи-

цианта, обслуживающего столик в зале, считалось делом вполне нормальным и даже обязательным для уважающего себя посетителя, то, при расчете с буфетчиком считать деньги было дурным тоном. Тут уж, сколько бросил на широкую стойку, столько бросил. Сдачи никто не ждал. Каждый боялся не того, чтобы дать слишком много, а, наоборот, дать слишком мало. Вдруг подумают – скупердяйничает, жадничает, на дармовщинку выпить хочет. Понятно, должность буфетчика была и престижной и доходной.

Это были традиции и нравы давно ушедшей купеческо-помещичьей России. В беспокойные революционные годы они, казалось, навсегда исчезли, но потом, как это ни удивительно, снова возникли и уже с начала двадцатых, благополучно просуществовали, почти до настоящего времени. Растаяли они уже совсем в последние годы.

Теперь буфетная называлась баром. А у широкой стойки высились обтянутые кожей круглые сиденья на тонких никелированных ножках.

У бара толпилась группка незнакомых мужчин, молодых и средних лет.

Аркадий прошел мимо них в ресторанный зал. Сел за столик у приоткрытого окна. Он должен был встретиться в ресторане с находящимся у него на связи агентом-информатором. Это и было первым пунктом предложенного им руководству плана оперативных мероприятий. И, только попутно он имел цель хорошо поужинать. Правда в этом он решил себя не ограничивать, поскольку стоимость блюд можно было с чистой совестью списать на оперативные расходы.

Он заказал тушеную утку с моченой брусникой. Сколько Стеклов себя помнил, она считалась фирменным блюдом плавающего ресторана. Аркадий немного посомневался. Но все-таки заказал двести граммов клюквенной настойки.

Лежащая на овальной металлической тарелке половина утки, была покрыта поблескивающей коричневой корочкой. С одной стороны от нее высилась горка жареного картофеля, с другой – рубиновая пирамидка влажных брусничных ягод и желтое моченое яблоко. К утке официантка принесла свежие маленькие пухлые булочки. Аркадий прикоснулся к ее руке и попросил пригласить к нему администратора ресторана.

– Хотелось бы заказать банкет на следующую неделю. – пояснил он.

Разумеется, никакого банкета он заказывать не собирался, но администратор ресторана Малик Керимов являлся его агентом на связи, и он должен был думать о его безопасности. Малик подскочил тут же. На его белой рубашке по распространившейся моде был прикреплен заламинированный кусочек картона с надписью «Главный администратор». Насколько знал Стеклов, никаких других администраторов в ресторанчике не было, но Малика мысленно одобрил. Лучше быть старшим, чем младшим или, тем более, никаким.

Пару лет назад Керимов попал на крючок органов по делу о сбыте самогонных спиртных напитков под видом виски «Джони Уокер». С точки зрения самого Аркадия, то, что продавал Малик, по вкусовым и другим органолептическим качествам не только не уступало, но превосходило именитый американский напиток. Он подозревал, что в появлении этого великолепного изделия не обошлось без самогонного аппарата, интуиции и любви к делу гражданина Папаса, но прояснять эти детали в данном направлении, конечно, не стал.

Поскольку одним из пострадавших от действий Малика оказался иностранец, купивший по дешевке ящик виски, управлению ФСБ удалось выторговать Керимова у органов милиции себе. Заявив дело, контрразведчики взяли у него подписку о добровольном сотрудничестве. При вербовке Керимов не сопротивлялся, а, наоборот, был даже рад неожиданно появившимся у него солидным покровителям.

– Слушай, Малик, в последнее время ничего такого у нас не происходило? – спросил Аркадий у присевшего напротив Керимова.

– Какого? – подумав несколько секунд, спросил Керимов.

– Необычного.

– Не...необычного? – осторожно переспросил старший администратор.

– Ну, да. Необычного.

– Аркадий Михайлович, вы про наркоту, что ли?... – приблизив голову к Аркадию, тихо произнес Керимов.

Подполковник неопределенно мыкнул.

– После того, как вы Чокана взяли, ничего такого не было...

– Не было? – изобразил следовательский взгляд Аркадий.

– Нет.

– А, может быть, что все-таки было?

– Да, вы про что, Аркадий Михайлович? – встревожился Малик.

Если б сам подполковник Стеклов знал, про что он спрашивает.

– Может кто-то из чужих появился? – помолчав, произнес он.

– Из чужих? – неуверенно переспросил Малик.

Аркадий что-то уловил в его голосе.

– Да. Из чужих. – нажал он.

Малик придал задумчивое выражение своим миндалевидным глазам и вздохнул.

– Ну, не то, что бы совсем чужие... Они к Шторму приехали... Из Москвы.

– Кто это?

– Ну... Деловые ребята... Из «Бакин-банка»... От самого... – Малик понизил голос. – Гоглидзе...

Аркадий насторожился. О «Бакин-банке» он слышал. И кто такой Гоглидзе знал. Гурген Тимурович был известным московским предпринимателем и криминальным авторитетом. Вернее, сначала вторым, а, затем, первым.

– А зачем они приехали?

Малик отвел глаза в сторону:

– Ну, что они мне докладывают, что ли?

– Ты ж все равно что-то слышал... – уверенно произнес подполковник.

– Толик Эдисон вроде им нужен.

– Толик Эдисон? – удивился Аркадий.

– Вроде так.

– А зачем?

– Ну, какую-то штуку он придумал... – уставил глаза в потолок Малик.

– Какую?

– Да, я точно не знаю... Вова Чумаченко говорит, вроде взрыватель какой-то...

– Взрыватель? – насторожился подполковник.

– Вроде так... Прибор такой. Небольшой. Вроде калькулятора. Что хочешь на расстоянии подорвать может, без всякой взрывчатки... Хоть машину, хоть дом...

– Как же это так, без всякой взрывчатки?

– Мужики говорят. Само взрывается... Если на приборе кнопку нажать... Да, Эдисон он такой... Напридумывает, обыкновенной головой и не поймешь!

– И были эти деловые ребята у Эдисона?

– Да вроде еще нет. С Костей Штормом пока беседы ведут... Понятное дело, Косте ж неохота, наверное, такую штуку москвичам за спасибо отдавать... Толя-то на его территории живет, не в Москве! Так что, сначала они Константину Пантелеевичу должны заплатить...

– Дела... – озадаченно произнес Аркадий. – А говоришь, ничего не знаешь!

– Да, я не говорю... Просто не понял, что вам нужно... А так, что ж, я всегда... Вы же знаете, Аркадий Михайлович! Я могу идти?

– Иди. Спасибо, Малик. – задумчиво похвалил его Стеклов. – Молодец. – не забыл он воспитательный момент. – За квартал, чувствую, будет тебе от нас премия. И считай, что я не догадался, откуда ты клюквенную настойку берешь... Старое не отпускает?

– Как откуда?... – широко раскрыл черные глаза Керимов. – Что вы такое говорите, Аркадий Михайлович... У нас серьезный поставщик... Оптовая фирма, торгует напрямую с Ишимским винзаводом. – для убедительности начал разводить руками старший администратор.

– Да, ладно тебе... А то я Папасову продукцию по вкусу отличить не могу...

– Поверьте... Заводская упаковка... Напрямую... – продолжал убеждать Малик.

– Ладно! – махнул рукой подполковник. – Не пугайся. Я Папасову продукцию выше любой заводской ставлю. Натуральный фруктовый спирт. Тройная очистка... У меня к тебе по этому поводу претензий нет... Пока нет. – профессионально добавил он.

Освобожденный Малик направился к бару.

На низенькую сцену вышел маленький оркестр. Он играл здесь столько, сколько Аркадий себя помнил. Высокий худощавый, совсем седой саксофонист Егор Кашеев, полная тетя Клава с аккордеоном и некогда первая скрипка местного театра музыкальной комедии Семен Гликман.

Музыканты провели ладонями по своим инструментам, словно оживляя их после дневной спячки, и негромко заиграли мелодии далеких пятидесятых, когда казалось, что мир вообще по-доброму относиться к человеку, но только почему-то считает необходимым это скрывать.

Подполковник налил себе из запотевшего графинчика рюмку клюквенной настойки, созданной на базе Папасова самогона, опрокинул в рот ледяной напиток и молодецки крикнул. Резко выдохнув, он подождал, пока ледяной шарик внутри него не превратиться в небольшой пожар и положил в рот острую утиную шкурку. Неторопливо прожевал ее, и еще раз крикнул, довольный уже совершенно.

Солнце катилось к закату, и небо за рекой наливалось нежным предвечерним золотом. В приоткрытое окно потянуло прохладой, запахом воды и путешествий.

Аркадий неторопливо обследовал взором открывающийся из окна вид. Недалеко от дебаркадера на песчаном берегу он увидел стоящего с удочкой Ивана Алексеевича Кальварского. Через мгновение к нему подошел Коля Саяпин и начал что-то говорить, разводя руками. Иван Алексеевич степенно кивал головой, не сводя взгляда с поплавок. Неожиданно он дернул удилище вверх, и в лучах заходящего солнца золотой монетой удачи сверкнула маленькая рыбка.

«Лещика, наверное, вытянул...» – подумал подполковник.

Посетителей в ресторане было не много. Пару человек за столиками в зале и кучка мужчин за стойкой бара. И лишь из-за вишневой плюшевой шторы, прикрывающей вход в отдельный, как его называли, «капитанский кабинет» доносились оживленные голоса: манящий женский смех и самодовольная мужская басовитая речь. Аркадию даже показалось, что там звучал голос подвыпившего Павла Сергеевича Папаса.

Должно быть, в «капитанском кабинете» отмечали какой-то праздник. Из-за вишневой шторы вынырнула женская фигура и, не глядя по сторонам, неторопливо прошествовала к выходу.

Это была Соня Кальварская.

Светлое платье, подчеркивало все выигрышные места ее достойной фигуры. Медсестра, видимо, решила подышать свежим воздухом.

Аркадия она не заметила. Проплывая мимо бара, Соня что-то сказала находящимся там мужчинам. Через некоторое время один из них, одетый в кожаную безрукавку, тоже отправился к выходу.

Расслабленный подполковник никак не связал два этих события. А зря.

7. Стычка

Подполковник налил себе вторую рюмку клюквенной. Неторопливо, ощущая терпкий вкус, втянул ее в себя и закусил моченым яблоком.

На перила дебаркадера опустилась черно-белая речная чайка и с любопытством уставилась в ресторанное окно. Аркадий взглянул на берег. Рядом с Иваном Алексеевичем и Колей он обнаружил гражданку Дорошенко с подругой.

Шла обычная каланчевская жизнь.

Второй пункт плана оперативных мероприятий, предусматривал работу с населением. Аркадий решил подойти к этой компании и порасспрашивать, что им известно о странных слухах по поводу изобретательской деятельности Толи Эдисона. Особенно он надеялся на Ивана Алексеевича, который приходился Беседину другом и даже консультантом в его радиотехнических опытах. Да и женским сарафанным радио не стоило пренебрегать.

Аркадий заказал официантке кофе по-варшавски. Оно готовится с молоком, которое добавляется после первого закипания. Затем, немного остужается и медленно доводится до второго. После этих манипуляций кофе приобретает мягкий шелковистый вкус.

Он попросил принести его минут через двадцать, чтобы выпить его по возвращении с берега.

Подполковник неторопливо поднялся, прошел полупустой зал и шагнул на дебаркадер.

И тут его взору предстала неприятная картина.

Вышедшей вслед за медсестрой детина в кожаной безрукавке пытался затащить Соню в стоящий на набережной черный джип с распахнутой дверцей. Женщина упиралась руками в его накаченную грудь и сопротивлялась изо всех сил. От натуги ее круглое лицо покраснело. Она пыталась кричать, но, очевидно, голос ее не слушался.

Подполковник перебежал перекидной мостик и, преодолев десяток ступеней, оказался на тротуаре.

– Эй, парень, там тебя бармен ищет! Найдет, уши пообрывает. – крикнул он, подходя к парню. Тот уже почти запихнул медсестру на заднее сиденье. Сидящий впереди водитель включил двигатель.

Услышав обращенные к нему слова Аркадия, могучий ухажер обернулся.

– Какой бармен? Чьи уши? – непонимающе спросил он.

– Твои. Ты смываешься. А кто за тебя платить будет? Я что ли, а?

– Не понял? Что ты сказал? – насильник совсем оставил медсестру и развернулся широким корпусом к Аркадию.

– Ну-ка быстро в бар! И чтоб все до копейки заплатил! – цыкнул на него Аркадий.

– Да, ты кто такой? – даже растерялся от такой наглости парень.

– Я его брат! – рявкнул Аркадий.

– Чей брат? – не понял детина.

– Бармена брат! А вот ты кто такой хитрожопый?

– Что ты сказал? – задохнулся от бешенства боец.

Стеклов собрался.

– Ну, смотри, сука... Сам напросился! – насильник резко выбросил кулак. Но не успел. По массе и мускулам он превосходил подполковника, хотя и Аркадий был далеко не маленьким человеком. Наверное, превосходил и тренированностью. Но не превосходил тем, что помещается внутри головы.

Аркадий ждал этого удара, ушел в сторону, кинулся вперед и всем корпусом обрушился на противника. Тот не удержался на месте и впечатался в корпус джипа. Не давая опомниться, Аркадий ударил его снизу по корпусу.

Однако, противник устоял.

Любой другой после всего принятого, мешком осел бы на землю, а этот из крайне неудобного положения правой рукой попытался нанести Аркадию удар в лицо. И даже почти преуспел в этом. Но, все-таки, и положение у него для удара было невыгодным, и Аркадий имел хорошую реакцию – удар прошел вскользь, хотя и слегка рассек кожу на скуле.

И тогда Аркадий, вкладывая всю силу в движение, своей правой приложил его в челюсть. Неудачливый ухажер, скользя по гладкому боку джипа, стал медленно съезжать на землю.

Подполковник Стеклов любил это дело – хорошую уличную драку. И был в ней специалистом. Он вырос на здешних каланчевских улицах, а на них эта квалификация приобреталась быстро и закреплялась надолго.

Медсестра выскочила из салона автомобиля, как пробка из бутылки в руках умелого официанта.

– Какой гад, а? Какой гад! – возмущению Сони не было предела. – Давайте, говорит, немного пройдемся... А сам хват и в машину! Вот, негодяй! Хорошо, что ты, Аркадий рядом оказался! Извращенец поганый! – пнула она носком туфли обидчика, находящегося в нокауте.

– Ты чего, мужик! – открыл дверцу шофер, но из машины не вылезал. – В милицию захотел? – в его тоне одновременно звучали нотки угрозы и страха.

– Забирай своего пацаненка, и сваливай отсюда, пока стекла не побил. – уловив дрожь противника наиграл злобу Аркадий.

Водитель на всякий случай прикрыл дверцу и даже как будто уменьшился в размерах. Но через несколько секунд снова ее открыл и, надуваясь, как воздушный шар, зашипел:

– Ну, ты парень попа-ал! Бамбец тебе, сука!

Аркадий осмотрелся и понял, почему так изменилось его настроение.

У входа в ресторан, перед началом переходного мостика стояли три крепкие мужские фигуры – оставленные в баре друзья неудавшегося насильника.

«Многовато, – подумал Аркадий, – тем более, что фактор внезапности утрачен... Но полностью он не может быть утрачен никогда, если сохраняешь инициативу в своих руках.» – утешил он себя, вспомнив наставление одного из своих незабытых учителей.

Оставив медсестру, Аркадий резко двинулся вниз на мостик, навстречу противникам.

Они стояли молча и не двигались с места.

Это было плохо. Он-то как раз рассчитывал, что они все вместе кинутся на него, и он встретит их на узком мостике, где всем троим не развернуться. Даже двое противников будут мешать друг другу. А в бою лишь с одним активно работающим бойцом у него были совсем не плохие шансы.

Но они не двигались.

Они спокойно стояли.

Аркадий ступил на мостик, все еще надеясь, что они последуют его примеру, но этого не произошло. Противник оказался серьезнее, чем он думал. Он шел по мосту и видел, как крайний слева вынул из кармана и передал стоящему рядом узкий нож с поперечной рукояткой, фиксирующей ладонь при ударе.

Стеклов прошел почти весь мостик и остановился шагах в пяти от спокойно стоящих противников.

– Ну, что стоим? Банки раскрыли? Пух залетит! – стремился он вывести их из равновесия и спровоцировать на движение. Но почувствовал, что его слова их не задевают. Перед ним были опытные бойцы. У них явно имелся какой-то свой план действий и они готовились ему следовать.

И тут Аркадий затылком почувствовал опасность позади. Он на секунду оглянулся и увидел, как по мостику к нему быстро направляется водитель с монтировкой в руках.

«Как это неудачно я сработал... – мелькнуло у него в голове. – А как ты после клюквенной хотел, а?» – упрекнул себя подполковник.

Аркадий прижался спиной к перилам мостика, обеспечивая себе тыл, и приготовился встретить взявших его в клещи противников.

И в этот момент краем глаза он увидел, как водителя на мостике кто-то нагоняет. Через секунду, сбитый сзади, водитель покатился по деревянному настилу. Вылетевшая из его руки монтировка заскользила по доскам, как по льду. А за лежащим водителем открылся Коля Саяпин с толстой жердиной в руке.

Стеглов взглянул в другую сторону. Здесь его также ждала новая сцена.

Двое из трех его противников лежали на земле, а на последнего надвигался разъяренная туша Паши Папаса. За его безразмерной спиной маячили еще двое не пропускавших ни одной драки каланчевцев.

Один из лежащих попытался встать, но успел лишь подняться на четвереньки: он тут же упал, сбитый подбежавшим к нему разошедшимся водопроводчиком. Второй противник приподнялся, и с низкого старта решил проскочить мостик, но здесь его встретил злой подполковник и двумя последовательными ударами отправил через перила в воду.

Продолжая атаку, каланчевцы вынудили прыгнуть с дебаркадера в воду и оставшегося на ногах третьего. Последним почти добровольно прыгнул освежиться поднявшийся на ноги водитель.

Противники каланчевцев стояли по пояс в воде, злобно щурились на обидчиков, но молчали. С них стекала зеленая речная вода, а в глазах плескалась черная злоба.

– Это Каланчевка, здесь надо себя вести культурно. Не хватать женщин, не плевать на пол, пользоваться носовыми платками, стирать носки каждый день. – наставительно говорил старый воспитатель заключенных, майор внутренней службы в запасе Павел Сергеевич Папас.

Прислонившись к тонким железным перилам перекидного мостика, он всей своей массой нависал над стоящими под ним приезжими орлами. Павел Сергеевич рисковал оставить на перилах гигантскую полукруглую вмятину, повторяющую геометрию его живота, а то и вообще разорвать хлипкий прут ограждения.

– Да, брось ты их, Паша. – позвал его Аркадий. – Они все поняли!

Подполковник, как и любой человек на земле, не мог знать своего будущего. Даже самого близкого. Иначе, он не стал бы отвлекать Павла Сергеевича от воспитательного процесса.

8. Делегация из столицы

Конечно, следовало пройти в ресторан.

Просто необходимо было взять бутылочку «клюквенной» и обсудить происшедшее. Но в это время в кармане у Аркадия заверещал мобильный телефон.

– Слушаю, участковый Голобородько. – занятым голосом отозвался в трубку Аркадий.

– Какой участковый? – услышал он недоумевающий голос своего начальника полковника Кондрашова. – Скажите, куда я по... Аркадий, ты что ли?

– Ну, я конечно.

– Прекрати, наконец, свои глупые шутки! – приказал полковник.

– Есть прекратить. – по-уставному рявкнул Стеклов.

– Ты где?

– В Каланчевке, конечно. Где же мне быть? А вот ты, Олег Петрович, почему не на концерте?

– Каком еще концерте?

– Ну вы же с женой хотели в органный зал сходить? Как раз время...

– Не до концертов сейчас. – суровым голосом человека долга сказал полковник. – Ты чем занимаешься?

– Оперативные мероприятия, естественно, провожу. По утвержденному вами, Олег Петрович, плану.

– Слушай, бросай все и гони на базу!

– Что, прямо сейчас? Товарищ полковник, рабочий день давно окончен.

– Это он у рабочих давно окончен. А у нас он только начинается. – назидательно произнес начальник. – Чтоб через полчаса был на базе. Все. Жду. – отрубил он и отключился.

– Что, Аркаша, начальство лютует? – участливо осведомился Павел Сергеевич.

– Работа такая. Это ж тебе не зеков шмонать! Государственная безопасность. Понимать надо! – осторожно ощупывал свою пострадавшую скулу Аркадий.

– А то, может, все-таки по рюмашке? – осторожно осведомился Папас. – Клюквенной? А то, коньячку?

– А коньяк тоже ты делаешь?

– Коньяк? Да ты что? Как можно? – возмутился Папас, но, взглядевшись в выражение Аркадиного лица, скромно признался. – Да, я. Из облепихи. На дубовой коре настаиваю. Ты не беспокойся. Он еще лучше настоящего.

– А запах? – хмуро сказал Аркадий. – Мне через пол часа начальству докладывать.

– Так все равно, и так уже выхлоп есть... – резонно заметил отставной майор.

– Ну, если по одной. – согласился подполковник.

Они прошли в стрекозиные двери и сели за столик.

Соня достала из сумочки флакончик духов, протерла кровоточащую ссадину на скуле, залепила ее пластырем и ласково провела ладонью по щеке.

– Аркадий, пойдем ко мне домой, кофе попьем! – закрыв синие глаза ресницами, сказала она.

«Выброшу мобильник завтра же! – дал себе слово Аркадий. – Олегу скажу, что потерял во время оперативных мероприятий. Или контакты закорочу, на худой конец. Жить не дает, поганец скрипучий!»

– Да разве тут попьешь чего-нибудь! – вздохнул он. – Опять на службу требуют.

– Ты без машины?

– Без. Опять не завелась.

– Давай, я тебя отвезу, а? – предложила Соня.

– Отвези, если хочешь. – великодушно согласился Стеклов.

Соня мгновенно подхватила и исчезла, будто ее и не было.

Мужская компания выпила по рюмке притворившегося коньяком самогона. Оставив Колю Саяпина с двумя другими каланчевцами, участвовавшими в драке, Паша с Аркадием вышли на воздух.

Они встали у перил дебаркадера.

– Слушай, Аркадий, – кашлянув и глубокомысленно взглянув вдоль набережной, начал Павел Сергеевич. – Хочу тебя спросить...

– Пьют ли в Европе самодельные напитки? Сразу тебе скажу, да, пьют!

– Аркадий, я серьезно...

– Ну, спрашивай...

– Ты за Толей Бесединым последнее время ничего не замечал?

– Да я его вижу-то редко... А что такое? – наострил уши подполковник.

– Понимаешь, какой-то странный он стал...

– В чем это выражается? – внимательно взглянул на Павла Сергеевича Аркадий.

– Ну... к товарищам переменялся...

– Это как?

– Груб стал... – осуждающе произнес отставной майор конвойной службы.

– Что? – не понял Аркадий.

– Ну, злой како-то сделался... К себе на каланчу не приглашает. Мне вот сказал недавно...

Павел Сергеевич удрученно замолчал.

– Что сказал? – начиная чувствовать смутную тревогу от невнятного разговора, спросил Стеклов.

– Ну, что я людей травлю и свой самогон плохо очищаю!.. – Павел Сергеевич сглотнул ком, подкативший к горлу от обиды. – А я на три раза очищаю! И марганцовкой и через фильтры от противогАЗа прогоняю! И это плохо? Скажи, Аркадий, это плохо, а?

Подполковник облегченно вздохнул.

– Да брось ты, Паша, ну мало ли, почему он так говорит... Может быть, просто период такой у человека... Недовольства окружающим миром... У каждого бывает! Не обижайся на него, все пройдет... Опять к себе на каланчу на тушеную баранину приглашать будет!...

– Думаешь? – недоверчиво качнул головой Паша. – О! Это Иван Алексеевич, что ли на своем крейсере куда-то поехал? – Павел Сергеевич кивнул на подъезжающую к ним по шоссе высокую черную машину.

– Нет! Это Сонька решила меня до конторы добросить! – сказал Аркадий.

Мало кто из современников мог бы определить марку подъехавшего автомобиля. Это был ЗИС-110, машина которая в сталинскую эпоху предназначалась для высшего и среднего класса управленцев и гаражей скорой медицинской помощи.

Иван Алексеевич приобрел его много лет назад, в середине шестидесятых годов, у вышедшего на пенсию директора конструкторского бюро, где он тогда работал. А тот получил ее в начале пятидесятых решением правительства за открытие в области дальней связи для подводных лодок.

В последние годы ЗИС большую часть времени проводил в гараже. Ездить Ивану Алексеевичу было особенно некуда, но все-таки на лето он приводил автомобиль в рабочее состояние. И пару раз по хорошей погоде все-таки садился за руль, чтобы совсем не утерять шоферские навыки. Пяток раз за лето на нем через мост в город ездила его племянница, еще в медучилище окончившая автошколу. Бывали, разумеется, и экстренные случаи, как в этот вечер, когда черный крейсер выходил на дорогу. Но это случалось не часто.

Находящийся в приличном состоянии ЗИС как-то не-заметно превратился из средства передвижения в уникальный автомобильный антиквариат, стоящий столько же, сколько четырехместная морская яхта прогулочного класса. Кальварский уже два года обдумывал, не согласиться ли на имеющиеся выгодные предложения. Но окончательного решения пока не принял.

Ведомая мягкой женской рукой, тяжелая машина ровно плыла над асфальтом. Белая Сониная ладошка уверенно перемещалась с большого штурвала на находящийся здесь же на рулевой колонке рычаг переключения скоростей. Мелькающие по бортам современные автомобильчики казались с высокого дивана ЗИСа недомерками.

Путь от Каланчевки до центра города очень не долог. Стеклову на это раз показалось, что даже слишком быстр.

– Аркадий, может быть, тебя подождать? – предложила Соня, когда они пришвартовались рядом со зданием женской гимназии. – Я тебя потом куда надо отвезу...

– Да, нет! Спасибо тебе, Соня! Возвращайся. – с сожалением сказал подполковник.

Ночь могла сложиться по-разному, и он не хотел обрекать женщину на утомительное ожидание. Аркадий поцеловал спутницу в теплую щеку и захлопнул за собой сделанную из броневой стали дверь.

Пока они с Соней добирались до центра города, совсем стемнело.

Большинство окон в здании бывшей женской гимназии были черны. Светилось всего несколько кабинетов – приемная начальника управления, причем, окна самого генеральского кабинета не горели, два окна дежурного по городу и окно кабинета начальника отдела контрразведывательного обеспечения полковника Кондрашова.

«Ждет мучитель. Не уходит. Неймется ему, хоть не молодой уже. Генералом, стать, собака, хочет.» – проворчал про себя Аркадий и вошел в здание.

В просторном вестибюле бывшей женской гимназии было немногим светлее, чем на улице. Горела только настольная лампа за столиком дежурного на входе и в полнакала люстра над главной лестницей.

– Аркадий Михайлович, вас полковник Кондрашов разыскивает. Уже дважды звонил. Спрашивал, не входили вы в здание. – сказал ему дежурный прапорщик.

Подполковник поднялся по главной лестнице на второй этаж и свернул в длинный коридор, где было совсем темно. Только вдали слабо мерцала лампочка дежурного освещения. Он сделал несколько шагов по устилающей пол ковровой дорожке и замер на месте. Ему показалось, что в дальнем конце коридора он видит колеблющуюся белую фигуру. Она как будто двигалась к нему навстречу. Подполковник даже встряхнул головой, стараясь отогнать навязание. Но фигура не исчезла, а лишь изменила направление движения и стала быстро удаляться от него. Аркадий убыстрил шаги, но зацепился ботинком за складку ковра. Он едва не упал, а когда снова поднял взгляд, увидел только исчезающий за поворотом волочащийся по полу словно бы подол белого платья.

Он быстрым шагом, почти бегом, добрался до угла, заглянул за поворот и снова увидел лишь исчезающий в перпендикулярном коридоре неясный белый силуэт. Аркадий рванулся за ним, побежал и выскочил на ярко освещенную лестничную площадку. Дальше перед ним прямо и направо серели два слабоосвещенных коридорных проема.

Ни в одном из них белого силуэта не было.

«Да, что же это такое? – изумился Аркадий Михайлович. – это же здание официального учреждения, а не театр, например. Больше Папасовых напитков пить не буду...» – сказал он себе и, решил прекратить преследование неизвестно чего.

– Аркадий, ты из Каланчевки до управления через Пекин добирался? – встретил его недовольный голос сидящего за своим столом Кондрашова.

– Приехал, как только смог. – сделал обиженное лицо Аркадий. – Не мог же я бросить разговор с агентом на полуслове.

– Аркадий, ты кажется пил? – произнес Олег Петрович с таким потрясением в голосе, как будто Аркадий по меньшей мере продал секрет атомного оружия арабским террористам.

– Ну, естественно. – несколько повысил голос и Стеклов. – Я по твоему же распоряжению встречался с Керимовым. Что же мне было в ресторане, йогурт что ли кушать? Я бы сразу расшифровал агента.

– А это что? – тоном обитательницы женской гимназии, впервые увидевшей низ мужского туловища произнес Кондрашов, медленно поднимая указательный палец и тыча им в сторону Аркадьиной скулы.

– Что, «что»? – возмутился Аркадий. – Что еще, господин полковник, вас удивляет? – У меня такое впечатление, будто сегодня вы свалились с Луны.

Скрюченный палец полковника выпрямился и стал напоминать стрелу громовержца, направленную на наклеенный медсестрой пластырь.

– Ах, это... – с чувством облегчения в голосе произнес подполковник Стеклов. – У нас, в Каланчевке, знаете ли, рестораны не похожи на женские гимназии... У нас там разный народ встречается... Некоторые даже пьют-с! И дерутся! Морды бьют-с! К посетителям пристают! Да-с, господин полковник. Сами бы занимались оперативной работой, не спрашивали бы!

– Аркадий, хватить паясничать! – грозным тоном произнес начальник контрразведывательного отдела.

– Олег, что ты сам ко мне по мелочам придираешься? Что, тебя начальство нагрело? – возмущенным тоном произнес Аркадий.

Кондрашов помолчал, остывая. Встал и подошел к лаково-блестящему черному окну.

– Ладно, садись... Тут такие новости, на самого себя бросаться станешь.

– Весь внимание. – сказал Аркадий, поняв, что с воспитательным моментом на сегодня покончено.

– Вчера в город прибыла большая группа из службы безопасности акционерной компании «Сибпромнефть» Возглавляет ее сам начальник управления безопасности компании Лев Иванович Бокалов. Он раньше служил где-то у вас, во внешней разведке... Генерал по званию. Не пересекались, случаем?

– Вроде нет. – ответил Стеклов. – А что здесь удивительного? У нас же в городе их нефтезавод...

– Так ведь причин же для того, чтобы прибыла такая важная делегация нет. Ты сам знаешь, как москвичей трудно за кольцевую дорогу вытянуть!...

– Может, плановая проверка заводской службы безопасности? – предположил Аркадий.

– Они так и говорят!... – отвернулся от темного окна Кондрашов.

– Ну и почему ты думаешь, что они врут?

– А потому, что такая плановая проверка у них уже проходила в начале года... А они ее по своим внутренним инструкциям должны проводить один раз в два года...

– Ну, мало ли... Может, чем-нибудь недовольны... Допустим, начальника заводской безопасности сжирают... – предположил Аркадий.

– Для того, чтобы сожрать такую маленькую сошку, Бокалов свой зад на сантиметр бы от стула не оторвал, а не то чтобы за две тысячи километров полетел... Это у них рядовой проверяющий инспектор в два счета бы сделал... Тем более, что никакой проверкой на заводе они и не думают заниматься... – Кондрашов засунул руки в карманы и, раскачиваясь на носках, неотрывно уставился на смиренно сидящего подчиненного.

– А чем же они занимаются? – заинтригованно спросил Аркадий.

– Во-о-от! То-то и оно! В том-то и вопрос! Чем! – полковник вынул правую руку из кармана и поднял вверх указательный палец. – Служба наружного наблюдения, которая вела господина Тамсфорда из МИ-6, засекла джип службы безопасности нефтезавода, в котором находился Лев Иванович Бокалов вместе с подчиненными, в городском районе под историче-

ским названием Каланчевка... А точнее, в окрестностях улицы Хлебной, где как ты, надеюсь, помнишь, вчера утром был обнаружен труп торговца сельхозпродукцией из Нидерландов господина Ван ден Роота...

Кондрашов с упрёком посмотрел на Аркадия.

– Джип в течении полутора часов передвигался по ближайшим к крупозаводу улицам со скоростью пешехода. Предположительно, по оценкам наших специалистов из научно-технического отдела, экипаж машины занимался пеленгацией...

– Пеленгацией чего? – озадаченно произнес подполковник Стеклов..

– Аркадий, это ты у меня спрашиваешь, а?

Подполковник благоразумно промолчал.

– Ты целый день занимаешься Каланчевкой и меня спрашиваешь, что там они пеленгуют? Это я должен тебя спросить! Я! – накаляясь, заговорил Олег Петрович.

– Ну я же работаю, товарищ полковник. – обиделся Стеклов. – Делаю, что могу... И уже есть определенные результаты. – благоразумно добавил он.

– Это какие, же, например? – с сарказмом спросил Кондрашов.

– В результате моей встречи с агентом, имеющим агентурную кличку «Шейх», и грамотно построенной беседы, удалось выяснить важные обстоятельства.

Аркадий сделал театральную паузу.

– Ну? – настороженно приподнял бровь Кондрашов. – Что за обстоятельства? Говори! Не тани!

– Предполагаемый интерес зарубежных спецслужб, а также... – Аркадий перестраивался на ходу, – как теперь стало известно, службы безопасности компании «Сибпромнефть» к Каланчевке вызван изобретением, сделанным частным предпринимателем Анатолием Петровичем Бесединым, бывшим преподавателем политехнического университета...

В глазах Кондрашова появился интерес.

– Что за изобретение? – спросил он, садясь за свой стол.

– Предположительно, изобретение заключается в создании гражданином Бесединым прибора, позволяющего осуществлять подрыв любого необходимого объекта на расстоянии без применения какого-либо взрывчатого вещества.

– Не понял... Как это – без взрывчатого вещества? – нахмурил брови полковник.

– А вот так. Выбираешь объект, который вызывает у тебя отвращение. Настраиваешь соответствующим образом прибор, нажимаешь кнопку и все. Объекта нет. Он взлетает на воздух и тебя больше ничто не раздражает! Такой маленький карманный психотерапевт. – Аркадий помолчал. – Принцип действия не известен. – мстительно добавил он.

– Ни хрена себе! – удивленно произнес полковник. – Неужели, правда?

– Окончательно проверить достоверность информации не представилось возможным, так как был отозван с выполнения оперативных мероприятий. – поджал губы подполковник Стеклов.

– Да, ладно, тебе, Аркадий!... – Олег Петрович откинулся на спинку начальственного кресла. – Что ты такой обидчивый стал, прямо, как гимназистка? В ходе работы всякое бывает...

Кондрашов потер указательным пальцем лоб:

– Да, вот дела-а-а! Тогда понятно, чего все так всполошились... – задумчиво протянул он.

Полковник посидел некоторое в задумчивости, затем, как и положено начальнику, обратился к подчиненному с вопросом:

– Так, что ты предлагаешь?

– Во-первых, осуществить проверку полученной оперативной информации. А, во-вторых, в случае ее подтверждения, предупредить гражданина Беседина о недопустимости пере-

дачи подобного прибора в чьи-либо руки. При этом обеспечить его с нашей стороны негласным сопровождением.

Начальник отдела некоторое время молчал, а, затем, принял крайне деловой вид. Он так решительно взял со стола авторучку, словно это была снайперская винтовка. Однако, использовать ее по назначению не стал.

– Достоверность информации проверить. – приказным тоном произнес он. – Результаты доложить мне лично. Рапортом. Завтра к вечеру. В твоём распоряжении – сутки. Все ясно?

– Так точно. – отозвался подполковник Стеклов.

– А потом будем решать, что с этим изобретателем делать... То ли негласно охранять, то ли задерживать... Ты понял?

– Понял. Ну, а, если, кто-то в течении этих суток все-таки попробует этот прибор у Бесе-дина забрать, тогда, как мне действовать? – задал вопрос Аркадий.

Воспрепятствовать! – коротко рубанул ручкой по воздуху Олег Петрович.

– Каким образом? – спросил подполковник.

– Любым! – ответил начальник.

– Любым? – переспросил Аркадий.

– Любым. Но! – Олег Петрович поднял авторучку вверх. – Не выходящим за рамки закона! Ясно?

– Ясно! – ответил Аркадий. – Разрешите в связи с особой важностью задания использовать в течении ночи дежурную оперативную машину?

– Разрешаю. – мрачно сказал полковник Кондрашов. Он как раз собирался отправиться на дежурной машине к себе домой, в противоположный от Каланчевки район города.

Перед тем, как спуститься вниз, Аркадий зашел в свой кабинет и открыл сейф. Рука сама прыгнула в нижнее отделение и вернулась на свет с булатным клинком.

В электрическом свете его цвет стал платиновым.

Аркадий сдул с переливающейся перламутром поверхности невидимую пылинку и ласково погладил.

Создатель теории электромагнетизма и король эксперимента Майкл Фарадей потерпел поражение в попытке разгадать тайну булата.

Русский же металлург Павел Петрович Аносов додумался применить для изучения булата микроскоп и неожиданно для всей европейской науки разгадал тайну восточного сверхметалла. Он обнаружил, что булат имеет необычную структуру. Вместо отдельных зерен, как у всех выплавляемых в то время сталей, булат состоял из длинных переплетенных между собой нитей. Загадочные морозные узоры на его поверхности и были их внешним проявлением.

Эти внутренние нити обеспечивали его невероятную твердость и одновременно пластичность.

После раскрытия тайны булата в мире науки повисла новая загадка. А как же древним металлургам, которые не имели микроскопа и ничего не знали о молекулярной структуре металла, удалось создать такой уникальный материал?

Подполковник полюбовался слегка изогнутыми обводами кинжала, бережно вложил клинок в ножны и засунул обратно в железный ящик.

Посидев в задумчивости несколько мгновений, он протянул руку к верхней полке сейфа, повозился там среди бумаг, нащупал холодное увесистое тельце «Макарова». Подполковник было ухватил его за рубчатую рукоять, потом подумал и вновь засунул под картонную папку с материалами по убийству коммерсанта из Роттердама.

«Если головы нет, пистолет не поможет, а помешать – помешает. А, если голова есть, пистолет вообще ни к чему, – вспомнил он афоризм, преподавателя основ оперативной работы Новосибирской спецшколы полковника Дацюка. – Будем условно считать, что голова у нас все-таки есть.» – умеренно польстил он себе.

Подполковник набрал номер служебного гаража и вызвал машину.

Потом закрыл глаза, вытянул ноги и посидел так с минуту. Потянувшись, резко выдохнул и поднялся. Повернул ключ в сейфе, выключил свет и вышел из кабинета.

Кондрашов дал ему сутки. Но он понимал, что, скорее всего, времени у него меньше. Счет пошел на часы.

Подполковник Стеклов отправился в Каланчевку.

9. Смертельное открытие

Машина быстро взбиралась на мост.

На лобовое стекло наваливалось звездное небо. А когда «Волга», проскочив верхнюю точку моста, начала спускаться вниз, над радиатором замаячили темными холмами невысокие строения и сады Каланчевки. Ее огни мешались в темноте со звездами.

Почти десять лет Аркадий Михайлович Стеклов жил и работал в Европе. Сначала в Лондоне, затем в королевстве Нидерландов, большей частью в Роттердаме. Звали его тогда Джеймс Дин. Легально он возглавлял небольшую инжиниринговую фирму, приспособливающую средства связи для шахт, тоннелей и закрытых помещений.

Его подлинной сферой деятельности была научно-техническая разведка.

Видимо, она была не только его работой, но и чем-то большим.

Анализируя проходящую через него информацию, он обратил внимание на странную, уходящую в прошлый век закономерность.

Какое-то фатальное невезение ученых, занимающихся проблемами передачи энергии на расстояние без проводов.

Начиная, пожалуй, еще с приват-доцента Петербургского императорского университета Михаила Филиппова.

Судя по имеющимся сведениям, он активно занимался исследованиями по данной теме. И, видимо, вышел на какие-то существенные результаты. Во всяком случае, в своем дневнике он отметил:

«Удача! Никаких принципиальных препятствий для получения любого количества энергии в любом месте. Правда, наблюдается один странный эффект, который требует отдельного изучения, но, все-таки, вряд ли он будет непреодолимым препятствием... Интересно, что в Америке коллега Николай Тесла подошел к тому же самому, только с другой стороны...»

Филиппов записал эти слова в дневнике 11 июля 1903 года. А 18 июля он был убит неизвестными грабителями в своей лаборатории на Литейном проспекте.

Прибывшая на место преступления полиция среди большого количества физических приборов обнаружила листы 3-сантиметровой броневой стали. В броне зияли крупные отверстия с оплавленными краями. На листах были надписи мелом – 1 метр, 2 метра, 5 метров.

Как и чем приват-доцент прожигал судовую броню, никто не мог даже предположить.

Что же касается упомянутого в дневнике Филиппова американца сербского происхождения Николо Теслы, то он, действительно, занимался проблемой передачи энергии на расстояние без проводов.

После переезда в двадцативосьмилетнем возрасте из Старого света в Соединенные Штаты, Тесла обращает свое внимание на изучение явлений электромагнитного поля. Он публикует серию статей, которая приносит ему известность в научном мире. В короткий срок ученый создает целую серию уникальных электрических машин – трансформаторов, генераторов токов высокой частоты, электродвигателей. Растет его авторитет и благосостояние. Он оборудует прекрасную лабораторию.

Все шло, как нельзя лучше. Пока Николо не начинает заниматься проблемой переброски энергии на большие расстояния без использования проводов.

Сначала, как будто его и здесь ожидает удача. По-крайней мере, он пишет своему другу в Германию:

«Дорогой Рихард! Проблема решена. Теперь недостатка энергии в любом нужном месте не существует. Ты даже представить себе не можешь, каким невероятно простым оказалось решение! Теперь не нужно строить в неподходящих местах электростанции или подвешивать

над землей мили медных проводов. Достаточно лишь нажать рукоятку созданного мной прибора...»

По отзывам современников, весной 1908 года в лаборатории у Теслы, действительно, находился какой-то непонятный прибор. Это был небольшой, размером с граммофон, ящик из полированного дерева с присоединяемой к нему странной приставкой в виде миниатюрной елочки, сделанной из медной проволоки. При посторонних этот ящик был всегда закрыт.

На вопросы, что это за новое изобретение, которым великий ученый в очередной раз хочет порадовать цивилизованный мир, Николо отвечал неопределенно. «Скоро увидите. – говорил он. – С этим прибором мир ожидает великая судьба! Нужно лишь произвести последние испытания и проверить одну интересную идею...»

Неизвестно удалось ли изобретателю проверить эту идею. С ним что-то случается. 30 июля 1908 года, в день падения в далекой Сибири Тунгусского метеорита, в лаборатории Теслы происходит пожар. Сам Николо заболевает какой-то непонятной нервной болезнью, впадает в депрессию и лишь через год с трудом возвращается к жизни и работе. Но талант словно покинул его. Он продолжает работать. Но не создает ничего, что вызвало бы интерес в научном мире.

К проблеме передачи энергии на расстоянии без проводов, он более не возвращался до конца своей жизни.

А прожил он еще очень долго. Родившись в год окончания Крымской войны и смерти императора Николая Первого в 1856 году, он умер в памятный для России 1943 год, когда на берегах Волги гремела Сталинградская битва.

Загадочный прибор из полированного дерева, похожий на граммофон с медной елочкой, бесследно исчез.

В двадцатых годах прошлого века этой же проблемой занялся молодой французский естествоиспытатель Жан Беар.

Его история похожа на судьбы Филиппова и Теслы. Сначала, сообщение в Парижской «Монд» о сделанном им сенсационном открытии, связанном с переброской электрической энергии на большие расстояния. А менее, чем через месяц, сообщение о смерти. В результате самоубийства.

Забравшись на один из верхних уровней Эйфелевой башни, Беар бросился вниз. Записки, объясняющей свой поступок, он не оставил. Но, может быть, она просто пропала. Как выяснила полиция, после гибели Беара в его лаборатории, расположенной а парижском пригороде, кто-то побывал, унеся с собой часть вещей и оборудования.

В середине тридцатых в Германии той же проблемой беспроводной переброски энергии занялся инженер Германской электротехнической компании Гюнтер Грюнвальд. По внутренним каналам компании прошла информации о якобы совершенном Гюнтером принципиальном открытии, которое позволит германской электротехнике занять ведущие позиции в мире.

Но внезапно Грюнвальда арестовывает гестапо и он навсегда исчезает в мире нацистских концлагерей. Причина ареста неясна. Грюнвальд был человеком, с головой погруженным в любимый им мир электромагнитных явлений, и никакой политикой не интересовался.

Владельцы компании, которые субсидировали Гитлера еще до прихода к власти и были вхожи в высшие круги рейха, почему-то ничего не сделали для спасения столь ценного сотрудника, хотя неоднократно и без особого труда добивались освобождения из концлагерей необходимых инженеров и квалифицированных рабочих.

По подсчетам, сделанным Стекловым, начиная со смерти петербургского физика Михаила Филиппова в 1903 году до начала второй мировой войны, различным способом ушли из жизни более тридцати исследователей, занимавшихся проблемой переброски энергии на большие расстояния без проводов.

Все это наводило на серьезные размышления. Он пытался понять, почему эта проблема вызывала столь странное внимание и однозначный запрет на ее изучение каких-то могущественных сил.

Он искал и не мог найти ответа. Пока случайно не наткнулся в одном узкоспециальном издании на статью современного московского профессора Вольпина, посвященную вообщем-то частной проблеме защиты от молний высоковольтных линий электропередач. В середине статьи, как будто даже вне прямой связи с остальным текстом, шли несколько странных абзацев. Он даже почувствовал легкую дрожь в пальцах, когда прочитал:

«Дело как раз в том, что перебрасывать энергию из одной точки пространства в другую не нужно. Ни проводным путем. Ни без проводов. *Энергия в любом количестве уже находится в любой точке пространства.* Необходимо лишь определенным образом инициировать ее проявление. Настоящая проблема состоит в том, как это сделать?»

Проведенные нами исследования позволяют предложить способ, позволяющий это сделать. Размеры и характер данной статьи не позволяют подробно изложить данный способ, которому мы намерены посвятить отдельную подготовленную нами к печати монографию...»

Аркадий навел справки и почти не удивился, когда узнал, что вскоре после выхода номера журнала с этой статьей профессор Вольпин неожиданно скончался от инфаркта миокарда.

Из полученной им служебной информации следовало, что профессор Московского Электротехнического университета Борис Семенович Вольпин вел исключительно здоровый образ жизни, не употреблял алкоголь, не курил, занимался альпинизмом и на сердце никогда не жаловался. Медицинские обследования, которым он регулярно подвергался, анализы и кардиограммы не выявляли никаких признаков сердечного неблагополучия. Но сердце – орган загадочный. До конца предсказать его поведение невозможно, отвечали на вопросы о причинах столь неожиданной смерти врачи.

...Не въезжая в Каланчевку, Аркадий вышел на окраине поселка и отпустил машину, рассчитывая, в крайнем случае, заночевать у Папаса.

Заречный поселок встретил его неистовым запахом ночной зелени и домашним пилением сверчков, выползших из своих укромных местечек подышать свежим ночным воздухом.

Казалось, в мире царил полный покой.

Но, на самом деле, покоя в мире не было.

10. Беседы за поздним ужином

Многие в этот поздний час не спали в Каланчевке.

Не спали и в той квартире, что нужна была подполковнику Стеклову.

Возможно, занимались тем, что пили вечерний чай. На столе блестел солидный заварной чайник с петухом на боку и круглилось большое блюдо бутербродов с копченой домашней колбасой. Может быть, находящиеся в квартире играли в дурака – по скатерти были разбросаны карты. Но нельзя было также исключить, что Иван Алексеевич Кальварский, его племянница Соня и Коля Саяпин проводили военный совет.

– Аркадий, ты! – обрадовано сверкнула синими глазами Соня. – Вот хорошо, что ты вернулся!

– Проходи, Аркаша. Чайку? Вот бутербродцы с домашней колбаской... Совсем свежая, только вчера закоптил. – гостеприимно пригласил его к столу Иван Алексеевич.

– С удовольствием. – ответил подполковник Стеков.

– Ты по делу или так, в гости зашел? – поинтересовался Иван Алексеевич. Видимо, гости в этом доме за полчаса до полуночи были вещью обычной.

– По делу. И в гости. – ответил Аркадий и сел за стол. Одной рукой он подхватил налитую ему Сонею чашку чая, а второй взял бутерброд, распространяющий запах свежего копчения и чеснока.

– А что за дело? – спросил Иван Алексеевич.

– Дело такое. – отхлебнул Аркадий ароматный чай. – Очень простое. Хотел у вас спросить, что за такую штуку изобрел Толя Эдисон?

В комнате под песочным абажуром с кистями повисло молчание.

– Говорят, прибор какой-то серьезный? – продолжил Аркадий.

Кальварский не отвечал.

– И будто он может взрывать все, что хочешь на любом расстоянии и, главное, – без всякой взрывчатки? Так, Иван Алексеевич? Уж вы-то должны знать? Правда, это?

Иван Алексеевич начал было подносить ко рту чашку с чаем, но остановил свою руку и застыл неподвижно, как фотографический снимок. Он целую минуту играл эту роль, потом снова ожил и, так и не отхлебнув, вернул чашку на скатерть.

Аркадий ждал.

Вздернув свои и без того поднятые брови, старый инженер, пожевал губами, вздохнул и, наконец, произнес:

– Нет, не правда.

– А что же он изобрел? – не отставал подполковник.

– Ну, как сказать... – опустил глаза бывший главный конструктор закрытого конструкторского бюро "Спецрадиосвязь".

– Да уж, как есть, так и скажите, Иван Алексеевич.

Кальварский уставился в чашку и продолжал осуществлять манипуляции своими бровями, то, поднимая их вверх к седым волосам, то совсем занавешивая ими слегка выкаченные синие глаза.

– Скажите мне. – сделал ударение на втором слове Стеков. – Пока не поздно. – добавил он.

Иван Алексеевич все-таки поднес чашку ко рту, отхлебнул чай, потянулся было к блюду с бутербродами, но передумал и произнес:

– Да, он, собственно, ничего не изобрел...

– Иван Алексеевич... – приподнял брови Аркадий.

– Он лишь подтвердил одну философскую идею. – сказал конструктор Кальварский.

– Что он подтвердил? – в свою очередь опустил руку, направившуюся за бутербродом, подполковник.

– Старую философскую идею...

– Какую идею?

– Идею о том, что мир представляет собой единое целое.

Первым душевным поползновением Аркадия было возмутиться, но он подавил это желание. Он хорошо знал Ивана Алексеевича: раз уж тот решил что-то рассказать и начал говорить, то что-нибудь да расскажет. Действительно, Кальварский поиграл седыми бровками, поворачивая темно-синими лешачьими глазами и продолжил:

– Анатолий подтвердил опытным путем, что информационно-аналоговое оружие возможно.

Подполковник замер.

Слово *оружие* прозвучало.

Иван Алексеевич вытянул губы трубочкой, втянул в себя горячий напиток и поставил чашку на стол.

Аркадий ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.